

Любимый детектив
Английской королевы

Энн Терри

Энн Перри
Пожар на Хайгейт-райз
Серия «Томас Питт», книга 11

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880647
Перри, Энн. Пожар на Хайгейт-райз : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71558-9

Аннотация

Обычно инспектор лондонской полиции Томас Питт не занимался пожарами, тем более за пределами своего участка. Но только не в случае поджога. А именно поджог произошел в Хайгейте, весьма благополучном пригороде столицы. Картина преступления была ясна – дом доктора Шоу загорелся сразу в четырех местах. Сам доктор в это время находился у очередного пациента и не пострадал, а вот его жена Клеменси погибла. Высокое начальство поручило это дело Питту. Как обычно, не смогла остаться в стороне и его жена Шарлотта...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Энн Перри

Пожар на Хайгейт-райз

Посвящается Мег Макдональд в благодарность за ее дружбу и неизменную веру в меня, а также Мег Дэвис за ее дружескую помощь, советы и труды

Anne Perry

HIGHGATE RISE

Copyright © 1991 by Anne Perry

© Данилов И., перевод на русский язык, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Инспектор Томас Питт смотрел на дымящиеся руины дома, не замечая потоков дождя, от которых уже весь промок насквозь, так что даже волосы прилипли ко лбу, а капли просачивались между поднятым воротником и толстым вязаным шарфом и леденили спину, стекая вниз. Он все еще чувствовал жар, исходящий от развалин почерневших кирпичей. Дождевая вода капала с разрушившихся арок и шипела, попав на угли, от которых поднимались завитки пара.

Даже по тому, что осталось от дома, было видно, что это было красивое здание, чье-то жилище, добротно построенное и изящное. Теперь от него мало что осталось, разве что помещения для слуг.

Стоявший рядом с ним констебль Джеймс Мёрдо неуклюже переступил с ноги на ногу. Он служил в местном полицейском участке, хайгейтском¹, и его возмущало решение начальства вызвать инспектора из города, из главного уголовного полицейского участка на Боу-стрит, пусть даже такого знаменитого, как Питт. У хайгейтских полицейских едва ли были шансы самим заняться расследованием этого дела; но, по мнению констебля, не было никакой надобности уже сейчас посылать за помощью, чем бы ни обернулось впоследствии это дело. Но его мнение было проигнорировано – и вот он, Питт, стоит тут, неряшливый, непричесанный, плохо одетый, если не считать отличных сапог. Карманы раздуты от набитого в них разнообразного барахла, перчатки старые и поношенные, а лицо перемазано сажей и все в горестных морщинах.

– Думаю, это где-то в полночь началось, сэр, – произнес Мёрдо, желая показать, что ребята из его участка уже проделали все, что от них можно было ожидать. – Пожар заметила некая мисс Долтон, она живет дальше, на Сент-Олбанс-роуд. Заметила пламя, когда проснулась ночью, примерно в четверть второго. Тут уже все здорово горело, и она подняла тревогу, послала свою горничную к соседу, полковнику Анстратеру. У него имеется этот... телефонный аппарат. Они были застрахованы, так что пожарная команда прибыла примерно через двадцать минут, но уже ничего не смогла сделать. К тому времени главная часть дома уже пылала вовсю. Воду они брали из хайгейтских прудов, – он махнул рукой в сторону, – это вон там, за полями.

Питт кивнул, стараясь запомнить развернувшуюся перед ним картину. Страх и обжигающий жар, вынудивший собравшихся отступить подальше от огня, беспокойно ржущие лошади, брезентовые ведра с водой, что передавали из рук в руки, – все это было совершенно бессмысленно и безнадежно. Скоро все здесь будет охвачено дымом и пламенем, вздымающимся до небес, балки с грохотом обрушатся, рассыпая вокруг искры, улетающие в темноту. Запах горелого плотно стоял в воздухе, от него слезились глаза и першило в горле.

Неосознанным движением Томас стер со щеки клоч сажи, чем сделал только хуже.

– А что насчет тела? – спросил он.

Чувство обиды и соперничества исчезло, как только Мёрдо вспомнил пошатывающихся пожарных, вытаскивающих из развалин носилки. У всех у них были бледные лица. На носилках лежали жуткие останки погибшей, обгоревшие так страшно, что это уже не было целым телом – и тем не менее как ни странно и ужасно, еще узнаваемые как человеческие. Отвечая инспектору, Мёрдо вдруг обнаружил, что голос у него дрожит.

– Мы считаем, что это миссис Шоу, сэр; жена местного врача, он же владелец дома. Он также служит полицейским хирургом. Мы вызвали врача общей практики из Хэмпстеда,

---

¹ В конце XIX в., когда происходит действие романа, Хайгейт был пригородом Лондона, где проживали весьма состоятельные люди. Теперь это фешенебельный район на севере английской столицы.

но он немного смог сообщить. Да я и не думаю, что кто-то на его месте сделал бы лучше. Доктор Шоу сейчас у соседей, у мистера Эймса Линдси. – И он кивком указал в сторону Хайгейт-райз² и Уэст-Хилл. – Вон в том доме.

– А он не пострадал?

– Нет, сэр. Он был на выезде, по вызову. Женщина рожала, и доктор Шоу пробыл там большую часть ночи. И узнал о пожаре, только когда возвращался домой.

– Слуги? – Питт отвернулся наконец от пожара и посмотрел на Мёрдо. – Кажется, та часть дома пострадала менее всего.

– Да, сэр. Все слуги успели выбраться, но у дворецкого сильные ожоги, он сейчас в больнице. В лазарете Святого Панкраса, это сразу к югу от кладбища. Кухарка в шоке, за ней присматривает родственница, она живет на Севен-Систерз-роуд. Горничная все время плачет и говорит, что ей ни за что не следовало приезжать сюда из Дорсета и что она хочет вернуться обратно домой. Повседневная же прислуга приходит только днем.

– И с ними все в порядке? Никто, кроме дворецкого, не пострадал? – еще раз спросил инспектор.

– Совершенно верно, сэр. Пожар возник в главной части дома. Крыло, где обитают слуги, занялось в последнюю очередь, так что пожарные успели всех их вывести. – Констебль передернулся, несмотря на жар, исходящий от тлеющего дерева и раскаленных руин перед ними.

Слабый сентябрьский дождичек уже стихал, на небе появилось водянистое послеполуденное солнце, осветив деревья за полями, лесок, именуемый Бишопс-вуд. Ветер дул слабый, с южной стороны, от огромного города Лондона, где расстилались Кенсингтон-гарденз³, в которых всюду цвели цветы, гуляли гувернантки в накрахмаленных фартуках, ведя по дорожкам своих подопечных детишек, а оркестры исполняли завлекательные мелодии. По Мэллу⁴ катили экипажи, и роскошно одетые леди махали друг другу ручками и демонстрировали последние модели шляпок, а любящие порисоваться леди с менее незапятнанной репутацией скакали легким галопом по Роттен-роу⁵ и строили глазки джентльменам. Королева, по-прежнему одетая во все черное, заперлась в Виндзорском замке и продолжала скорбеть и оплакивать принца Альберта⁶, умершего двадцать семь лет назад. А в темных переулках Уайтчепела⁷ какой-то безумец расчленял женщин, уродовал им лица, оставляя их тела на тротуарах в ужасном виде, все в крови. Пресса скоро окрестит его Джеком Потрошителем.

Мёрдо сгорбился и надвинул свой шлем поглубже.

– Только миссис Шоу погибла, инспектор. А пожар, как представляется из того, что нам известно, начался одновременно по крайней мере в четырех разных местах – и сразу же охватил весь дом, словно портьеры облили ламповым маслом или керосином. – Его юное лицо напряглось и застыло. – Можно, конечно, случайно пролить масло на портьеры, но не в четырех же разных комнатах, чтобы все они загорелись в одно и то же время и чтобы никто об этом не знал. Видимо, это был преднамеренный поджог.

Питт ничего на это не сказал. Все потому, что это было для него просто невыносимо – стоять здесь, в изуродованном садике, рядом с этим ретивым и недовольным юным кон-

---

² Хайгейт-райз (англ. Highgate Rise) – Хайгейтский холм.

³ Кенсингтон-гарденз – большой парк в северном Лондоне, заложен в 1728 г.

⁴ Мэлл – аллея в центре Лондона, ведет от Трафальгарской площади к Букингемскому дворцу.

⁵ Роттен-роу – аллея для верховой езды в Гайд-парке.

⁶ Принц Альберт (1819–1861) – принц-консорт, муж королевы Виктории.

⁷ Уайтчепел – один из беднейших районов лондонского Ист-Энда.

стеблем с испачканным сажей лицом и глазами, широко распахнутыми от шока и жалости в результате того, что он тут увидел.

– Вопрос в том, – произнес Мёрдо, – кого намеревались убить – миссис Шоу или самого доктора?

– Тут, видимо, имеется и множество других вопросов, на которые нам придется искать ответы, – мрачно ответил Питт. – А начнем мы с пожарного начальства.

– У нас есть его рапорт, сэр, он в полицейском участке. Это примерно в полумиле вверх по дороге. – Мёрдо говорил немного скованно, снова вспомнив своих коллег и их недовольство.

Томас последовал за ним, и они в молчании двинулись в путь. Несколько бледных листьев пролетели по вымостке, мимо проехал двухколесный кеб с кучером сзади. Дома здесь были солидные. В них жили весьма респектабельные люди с деньгами – жили в уюте и со значительными удобствами, – на западной стороне дороги, ведущей к центру Хайгейта с его общественными зданиями, конторами адвокатов, магазинами, водоочистой станцией, Понд-сквер и огромным аккуратным кладбищем, простирающимся далеко к юго-востоку. Позади домов с обеих сторон виднелись поля, зеленые и молчаливые.

В полицейском участке Питта встретили очень вежливо, но по усталым лицам полицейских и по тому, как молодые, как прежде Мёрдо, избегали встречаться с ним взглядами, Томас сразу понял: они недовольны тем, что пришлось его сюда вызвать. Во всех полицейских участках Лондона не хватало людей, и всем полицейским отменили отпуска с целью собрать и направить в Уайтчепел как можно больше людей, чтобы наконец разобраться с чудовищными убийствами, которые потрясали весь Лондон и занимали первые полосы газет по всей Европе.

Рапорт брандмейстера был уже выложен на стол суперинтенданта, расчищенный специально для Питта. Тут же стоял и сам суперинтендант – седовласый, спокойный, уравновешенный и такой вежливый, что это только усиливало, но никак не скрывало его недовольство. На нем был чистенький мундир, но лицо носило явные следы усталости, а на руках были заметны ожоги, которыми у него не было времени заняться.

Питт поблагодарил его – не слишком усердно, дабы не привлекать лишнего внимания к этой внезапной перемене их ролей, – и взял со стола рапорт. Тот был написан аккуратным, каллиграфическим почерком. Все изложенные в нем факты выглядели четко и просто, это была всего лишь расширенная версия того, что уже сообщил ему Мёрдо. Пожар начался одновременно в четырех местах – на портьерах в кабинете, библиотеке, столовой и гостиной – и занялся очень быстро, словно ткань портьер была пропитана ламповым маслом или керосином. Подобно всем прочим в этом районе, дом освещался газовыми рожками, и как только огонь добрался до подводных трубок, они взорвались. У обитателей дома было мало шансов выбраться из пламени, если бы только их не разбудили в самом начале пожара и если бы они не выскочили наружу через служебное крыло.

Как следует полагать, миссис Шоу, по всей вероятности, задохнулась в дыму, прежде чем сгорела; а доктор Стивен Шоу был на вызове, у пациентки, в миле от дома. Слуги ничего не почувствовали, пока не прибыла пожарная команда и не разбудила их звоном своих колоколов, а потом пожарные приставили к их окнам лестницы и помогли всем вылезти наружу.

Было уже почти три часа дня, и дождь прекратился, когда Питт и Мёрдо постучались в дверь соседа, проживавшего справа от сгоревшего дома. Дверь отворили менее чем через минуту; открыл ее сам владелец, маленький человечек с аккуратно причесанными седыми волосами, откинутыми со лба и лежащими волнистой львиной гривой. Выражение его лица было весьма серьезным. Между бровей залегла складка, выдававшая озабоченность и беспокойство, а очертания рта, мягкие и четкие, не носили ни намека на чувство юмора.

– Добрый день, добрый день, – торопливо произнес он. – Вы ведь из полиции? Да, конечно, из полиции. – Мундир Мёрдо делал это его наблюдение ненужным, хотя он искоса смотрел на Питта. Человек обычно не помнит лица полицейских, точно так, как не помнит лица кондукторов или чистильщиков уличных канав, но отсутствие мундира было для него необъяснимым явлением.

Он отступил назад и чуть в сторону, давая им возможность войти внутрь.

– Заходите. Вы, конечно, хотите узнать, не видел ли я чего-нибудь. Естественно. Не могу понять, как это случилось. Такая аккуратная женщина! Ужасно! Газ, надо полагать. Я частенько думаю, что, наверное, лучше было бы не расставаться со свечами. Это гораздо приятнее и удобнее. – Он повернулся и повел их через довольно мрачный холл в большую гостиную, которая на протяжении многих лет явно служила ему кабинетом.

Питт с интересом огляделся вокруг. Комната носила явный отпечаток личности своего хозяина и многое могла о нем рассказать. Здесь имелись четыре очень неаккуратные книжные полки, наверняка заполненные так, как это было удобно хозяину, а вовсе не в целях украшения. На них царил полный беспорядок – свидетельство частого использования. Стопы бумаг были засунуты рядом с томами в кожаных переплетах, маленькие томики рядом с огромными фолиантами. Весьма романтическая картина в золоченой раме, изображающая сэра Галахада, опустившегося в молитве на колени, висела над камином, а напротив размещалась еще одна – леди Шаллотт⁸ с цветами в волосах, плывущая по реке. На маленьком круглом деревянном столике рядом с кожаным креслом стояла изящная статуэтка конного крестonosца, по письменному столу были разбросаны распечатанные письма. На подлокотнике дивана в опасном равновесии покоились три газеты, по сиденью же были разбросаны газетные вырезки.

– Куинтон Паскоу, – торопливо представился хозяин. – Но вы, конечно, уже знаете, кто я. Проходите сюда. – Он нырнул к газетным вырезкам и убрал их в открытый ящик письменного стола, куда они свалились в хаотичном беспорядке, все смятые. – Присаживайтесь, джентльмены. Это просто ужасно! Просто ужасно! Миссис Шоу была прекрасная женщина. Ужасная утрата! Настоящая трагедия!

Томас осторожно присел на диван, не обращая внимания на шорох смятых газет, засунутых за спинку. Мёрдо остался стоять.

– Инспектор Питт. И констебль Мёрдо, – сказал он, представляя их обоих. – В какое время вы легли спать, мистер Паскоу?

У хозяина дома удивленно взлетели брови, но он тут же понял смысл вопроса.

– Да-да, я понимаю... Незадолго до полуночи. Боюсь, что я ничего не видел и не слышал, пока меня не разбудили колокола пожарной команды. Потом, конечно, шум самого пожара... Ужасно! – Он помотал головой, кидая на Питта извиняющийся взгляд. – Боюсь, я сплю довольно крепко. И теперь чувствую себя очень виноватым... Ох, боже мой! – Он засопел и заморгал, отвернувшись к окну, за которым был еще вполне виден дикий, запущенный и заросший сад, полный темно-желтых цветов ранней осени. – Если бы лег немного пораньше, даже на пятнадцать минут, я бы, наверное, увидел первые язычки пламени и поднял бы тревогу. – Он весь скривился, словно это видение ясно предстало перед его внутренним взором. – Мне ужасно жаль. Хотя что в нем пользы, в этом сожалении? Поздно уже сожалеть.

– А вы случайно не выглядывали на улицу в последние полчаса перед тем, как лечь в постель? – продолжил расспросы Питт.

---

⁸ Сэр Галахад (Галаад) – один из рыцарей Круглого стола короля Артура; леди Шаллотт – также героиня «Артуровского цикла».

– Я не видел пожар, инспектор, – сказал Паскоу чуть более резко. – И не вижу причин, чтобы вы меня так дотошно допрашивали. Я оплакиваю покойную миссис Шоу. Она была просто прекрасная женщина. Но никто из нас теперь ничего уже поделать не может, разве что... – Тут он снова засопел и надул губы. – Разве что сделать все, что в наших силах, для бедного доктора Шоу. Так я полагаю.

Мёрдо все переминался с ноги на ногу, а его глаза то и дело перебегали с Паскоу на Питта и обратно.

О трагедии очень скоро станет известно всем, так что Питт не видел никаких плюсов в том, чтобы соблюдать тайну. Он наклонился вперед, и газета за спинкой дивана снова зашуршала.

– Пожар вовсе не был несчастным случаем, мистер Паскоу. Конечно, взрыв газа еще более ухудшил положение, но отнюдь не был источником возгорания. Огонь занялся в нескольких местах одновременно. По всей видимости, возле окон.

– Возле окон? Что вы хотите этим сказать? Окна ведь не горят, инспектор! Вы вообще кто такой?

– Инспектор Томас Питт из участка на Боу-стрит, сэр.

– Боу-стрит? – Серые брови Паскоу снова удивленно поднялись. – Но Боу-стрит в Лондоне, далеко отсюда. Разве местная полиция не могла с этим справиться? С ней что-то не так?

– Все с ней так, – сказал Томас, с трудом сдерживая раздражение. Видимо, будет достаточно трудно поддерживать дружественную атмосферу при таких-то комментариях, да еще в присутствии Мёрдо. – Но суперинтендант полагает, что дело очень серьезное, и желает расследовать его как можно скорее. Начальник пожарной команды считает, что пожар вспыхнул возле окон, так, словно портьеры загорелись первыми, а тяжелые портьеры хорошо горят, особенно если пропитать их ламповым маслом или керосином.

– Бог ты мой! – Лицо Паскоу стало совершенно белым. – Вы хотите сказать, что кто-то намеренно устроил поджог... чтобы погубить... Нет! – Он яростно замотал головой. – Вздор! Полная чушь! Никому это не нужно – убивать Клеменси Шоу. Должно быть, они нацелились на доктора Шоу. А сам-то он где был, кстати? Почему его не было дома? – Он замолчал и с несчастным видом уставился в пол.

– Так вы видели кого-нибудь, мистер Паскоу? – повторил свой вопрос Питт, изучая сгорбленную фигуру хозяина. – Может, кто-то шел по дороге; может, какой-то экипаж проехал или телега? Может, свет мелькнул? Или еще что-то?

– Я... – Паскоу вздохнул. – Я вышел прогуляться в саду, прежде чем отправиться наверх. Я работал над одним докладом, и мне встретились некоторые затруднения. – Он прокашлялся, поколебался минутку, но тут эмоции пересилили, и слова потоком полились из его рта. – Этот доклад – опровержение нелепых и абсурдных утверждений Далгетти о короле Ричарде Львиное Сердце. – Тон его сразу смягчился при упоминании этого имени, стал прямо-таки романтически-нежным. – Вы ведь не знаете Джона Далгетти, да и откуда вам его знать... Это крайне безответственный человек, совершенно не умеющий сдерживаться, абсолютно лишенный должного чувства благопристойности и приличия. – Его лицо при этих словах даже сморщилось от отвращения. – У литературных критиков есть такая обязанность, понимаете? – Он посмотрел Томасу прямо в глаза. – Мы создаем определенное общественное мнение. Это имеет огромное значение – что именно мы предлагаем и продаем публике, что мы хвалим, а что критикуем. А Далгетти готов игнорировать или даже высмеивать все ценности истинного рыцарства и чести – и все это, видите ли, во имя свободы... Но на самом деле он ратует за полную распущенность, за излишнюю вольность, за нарушение всех и всяческих правил и норм. – Паскоу подскочил и замахал руками в воздухе, вроде как изображая эту самую вольность. – Он выступил в поддержку этой ужасной монографии

Эймса Линдси по поводу этой новой политической философии. Фабианское общество⁹, так они себя именуют... Но то, что он пишет, – это призыв к настоящему анархизму! К существу хаосу! Отнять собственность у людей, которые владеют ею по праву... Это воровство! Прямой и откровенный грабеж! Никто на такое не пойдет! Это означает кровопролитие прямо на улицах, если у этого общества появится достаточное число сторонников. – Он сжал челюсти в попытке унять свое возмущение. – Тогда англичане будут сражаться с англичанами на нашей собственной земле! А Линдси утверждает, что в этом есть некая естественная справедливость: отнять у одних частную собственность и поделить ее между другими, независимо от их усердия или честности. Даже вне зависимости от того, уважают ли они эту собственность, ценят ли ее, умеют ли ее сохранять... – Он пристально уставился на Питта. – Только подумайте, какие это принесет разрушения. И потери. И о чудовищной несправедливости подумайте. Все, для чего мы трудились, что мы берегли и о чем так заботились... – Его голос взлетел куда-то очень высоко, у него даже горло перехватило от избытка эмоций. – Все, что мы унаследовали от прежних поколений, вся эта красота, все эти сокровища прошлого, – все это, по мнению этого идиота Шоу, конечно же, должно пропасть!

Паскоу судорожно сцепил пальцы, все тело его напряглось, но тут вдруг он вспомнил, что Питт – полицейский, у которого, видимо, нет никакой особой собственности, а потом еще вспомнил, зачем тот здесь оказался. И снова сгорбился, опустил плечи.

– Извините. Не следовало мне так резко критиковать человека, только что потерявшего жену. Стыд какой...

– Итак, вы вышли погулять в сад, – напомнил ему Питт.

– О да. У меня устали глаза, и я решил немного освежиться, восстановить внутренний мир, душевное равновесие. И вышел в сад. – Он улыбнулся доброй улыбкой при этом воспоминании. – Вечер был просто чудесный, луна светила, ее лишь изредка закрывали клочки облаков, с юга дул легкий ветерок. И, знаете, я даже соловья услышал! Просто великолепно. Прямо плакать хотелось от восторга. Такая красота! Такая красота! Спать я отправился полностью успокоившимся, с миром в душе. – Он поморгал. – Ужасно! Всего в двадцати ярдах отсюда происходит нечто жуткое, и женщина пытается спастись, борется за жизнь, хотя у нее, наверное, почти нет шансов, – а я ничего об этом не знаю...

Питт смотрел на виноватое выражение его возбужденного лица.

– Видите ли, мистер Паскоу, даже если бы вы не спали всю ночь, то наверняка ничего бы не увидели и не услышали, пока уже не стало слишком поздно. Пожар занимается очень быстро, особенно если поджог преднамеренный. А миссис Шоу могла задохнуться в дыму, так и не проснувшись.

– Могла? – У Паскоу широко раскрылись глаза. – В самом деле? Очень надеюсь, что так и было. Бедное создание! Такая была прекрасная женщина, вы знаете... Слишком хороша для Шоу. Он человек бесчувственный, без высоких идеалов. Нельзя сказать, что он не слишком хорош как практикующий врач или как джентльмен, – торопливо добавил Паскоу. – Но нет у него тонкости восприятия, глубокого понимания вещей. Он считает умным и прогрессивным насмехаться над человеческими ценностями... Ох, боже мой, не следует все же так говорить о человеке, только что перенесшем такую потерю. Но правду все равно не скроешь, не так ли? Мне очень жаль, я глубоко сожалею, что ничем не могу вам помочь.

– Вы разрешите мне опросить ваших домашних слуг, мистер Паскоу? – Томас задал этот вопрос всего лишь в виде формальности. Он бы в любом случае их опросил, что бы Паскоу ему на это ни ответил.

---

⁹ Фабианское общество – организация английской либеральной интеллигенции, созданная в 1884 г.; ее члены проповедовали постепенное преобразование капиталистического общества в социалистическое путем постепенных реформ.

– Конечно-конечно! Но, пожалуйста, постарайтесь их не пугать. Приличную кухарку найти чрезвычайно трудно, особенно в холостяцкое хозяйство вроде моего. Если это хорошая повариха, она непременно хочет готовить для торжественных обедов и вечеринок и прочего в том же роде, а у меня такое бывает редко. Собираются иной раз несколько коллег-литераторов и критиков, вот и всё.

Питт поднялся, и Мёрдо тут же встал по стойке «смирно».

Но ни кухарка, ни камердинер не видели вообще ничего, а судомойке и горничной было двенадцать и четырнадцать соответственно, и они были слишком напуганы, чтобы что-то ответить; они лишь тискали в пальцах свои передники и утверждали, что спали мертвым сном. А принимая во внимание то, что их обязанности требовали раннего подъема – в пять часов утра, – Питт без труда им поверил.

После Паскоу они нанесли визит в дом к югу от сгоревшего. На этом участке дороги через Хайгейт-райз поля прорезала дорожка, по словам Мёрдо называвшаяся Бромвич-уок, которая тянулась на юг от церкви Святой Анны и дома приходского священника, параллельно холму, и заканчивалась в самом Хайгейте.

– Отличная дорога, сэр, – мрачно заметил Мёрдо. – В такое время ночи сюда легко может добраться добрая сотня людей с карманами, набитыми спичками, и никто их не заметит. – Он уже начинал думать, что все это предприятие – лишь пустая трата времени, и это было заметно по откровенному выражению его лица.

Питт сухо улыбнулся.

– А вам не кажется, что они в таком случае непременно налетели бы друг на друга?

Мёрдо юмора не понял. Он просто пребывал в саркастическом настроении. Да разве может настоящий инспектор с Боу-стрит быть таким неинтеллигентным на вид? Констебль более внимательно рассмотрел и изучил довольно грубое и простецкое лицо Питта – длинный нос, немного выщербленный передний зуб, непричесанные волосы; потом отметил горящий в глазах огонек, а также юмор и уверенность, таящиеся в очертаниях его рта.

– В темноте, – добавил Томас. – На небе вполне могла быть луна, которой любовался мистер Паскоу, однако ночь-то была облачная, и никакого света в домах вокруг не горело – занавеси задернуты, лампы погашены. Полночь все-таки.

– Ага. – Мёрдо наконец понял, о чем речь. – Кто бы это ни был, ему потребовался бы фонарь, а в этот час ночи даже зажженную спичку видно издали, если кто-то случайно бросит взгляд в ту сторону.

– Вот именно. – Инспектор пожал плечами. – Конечно, не то чтобы этот свет хоть как-то нам помог, если только кто-нибудь не заметил, с какой стороны он появился... Давайте теперь попробуем посетить мистера Альфреда Латтеруорта и его домашних.

Это было великолепное здание, расходов на него явно не жалели. Оно стояло последним на этом участке дороги и было в два раза больше остальных. Питт, по своему обыкновению, постучался в парадную дверь. Он всегда отказывался заходить с заднего хода, предназначенного для торговцев, как следовало поступать полицейским, лицам, стоящим достаточно низко на социальной лестнице, и прочим нежелательным элементам. Дверь через несколько секунд открыла весьма представительная и опрятная горничная в сером шерстяном платье, в хрустящем накрахмаленном чепце с кружевами и таком же переднике. Выражение ее лица тут же сообщило Питу, что, по ее твердому убеждению, он должен заходить через судомойню, а он так не сделал.

– Торговцы – со двора, – заявила она, чуть приподняв подбородок.

– Я пришел побеседовать с мистером Латтеруортом, а не с дворецким, – ядовитым тоном сообщил ей Питт. – Полагаю, визитеров он принимает с парадного хода?

– Полицейских он вообще не принимает, – так же быстро ответила она.

– Сегодня примет. – Томас вошел внутрь, и ей пришлось отступить назад, чтобы не уткнуться лицом ему в грудь. Мёрдо испытал одновременно ужас и восхищение. – Уверен, он пожелает помочь нам выяснить, кто убил миссис Шоу прошедшей ночью. – Инспектор снял шляпу.

Лицо горничной сделалось таким же белым, как ее фартук; Питту крупно повезло, что она не грохнулась тут же в обморок. Талия у нее была такая тонкая, а корсет, должно быть, был затянут настолько туго, что вполне мог бы удушить девицу с менее решительным характером.

– О боже! – Она с усилием взяла себя в руки. – А я думала, что это был несчастный случай.

– Боюсь, что нет. – Томас всеми силами старался сгладить неприятное впечатление от неудачного начала разговора. Ему уже давно следовало бы не обращать внимания на подобные уколы, наносимые его гордости всякими там горничными. – Вы случайно не выглядывали в окно около полуночи? Может быть, что-нибудь заметили? Движущийся свет, например? Или что-то услышали?

– Нет, я не выглядывала... – Девушка помолчала. – Но вот Элис, кухонная прислуга, была еще на ногах, и она сказала мне нынче утром, что видела ночью на улице привидение. Только она немного тупая, вроде как полоумная. Ну, не знаю, может, сон ей такой приснился...

– Я поговорю с Элис, – ответил Питт с улыбкой. – Это может оказаться важным. Спасибо.

Горничная улыбнулась в ответ – правда, не сразу.

– Не угодно ли подождать в утренней гостиной, я доложу мистеру Латтеруорту о вашем приходе... сэр.

Комната, в которую она их провела, оказалась неожиданно изящной и не просто демонстрировала, что у хозяина полно денег, но свидетельствовала также о том, что у него гораздо более тонкий вкус, чем, возможно, он сам догадывается. У Питта хватило времени только бросить взгляд на акварели, украшавшие стены. Они, несомненно, были ценными, и продажа любой из них могла бы прокормить какое-нибудь семейство в течение целой недели; но, кроме того, они были истинно красивы и абсолютно правильно размещены, привлекая взгляд, но не навязываясь.

Альфред Латтеруорт оказался мужчиной далеко за пятьдесят, со свежим лицом, в данный момент сильно покрасневшим, с венчиком гладко зачесанных седых волос вокруг сияющей лысины. Он был приличного роста и солидного телосложения и имел уверенный вид человека, который всеми своими успехами обязан только самому себе. Сильное лицо с крупными чертами. У истинного джентльмена его можно было бы счесть красивым, но было что-то воинственное и одновременно неуверенное в его выражении, что выдавало его ощущение непринадлежности к высшим классам, несмотря ни на какое богатство.

– Горничная доложила мне, что вы пришли по поводу убийства миссис Шоу и пожара, – произнес Латтеруорт с сильным ланкаширским акцентом. – Эт' правда? Эти девицы вечно читают всяк' дешевые ужасные истории, сидя в кладовке под лестницей, а воображение у 'их как у самых худших писак.

– Да, сэр, боюсь, что это именно так, – ответил Питт. Он представил себя и Мёрдо и объяснил причины их прихода.

– Скверн' дело, – мрачно заявил Латтеруорт. – Она была добрая женщина. Слишком добрая, слишком хорошая для большей части этих, которые тут проживают. 'Сключая Мод Далгетти. Эта не такая – совсем другая, совсем. Вежливая со всеми. – Он покачал головой. – Тольк' я-т' ничего не видел. Сидел наверху, дожидался, пока Флора вернется, а она пришла без двадцати двенадцать. И я тогда погасил свет и лег спать. И спал, пока меня колокола

пожарников не разбудили. Мимо вполне могла бы промаршировать цел' армия, и я б' вовсе не услышал их топот.

– Флора – это мисс Латтеруорт? – спросил Питт, хотя уже узнал это в хайгейтском полицейском участке.

– Точно, эт' моя дочка. Она ходила с друзьями на какую-то лекцию с показом диапозитивов, эт' было где-то на Сент-Олбанс-роуд. К югу отсюда, сразу за церковью.

Мёрдо замер, весь обратившись в слух.

– Она возвращалась домой пешком, сэр? – спросил Питт.

– Да эт' всего несколько шагов. – Глубоко посаженные и вполне добродушные глаза Латтеруорта смотрели на Томаса острым взглядом – видимо, он ожидал осуждения. – Ничего, она здоровая девица.

– Я бы хотел узнать, не заметила ли она что-то по дороге. – Питт говорил спокойно, ровным тоном. – Женщины иной раз бывают весьма наблюдательны.

– Хотите сказать, любопытны. Любят повсюд' нос совать, – удрученно заметил Латтеруорт. – Да-да. Моя покойная жена, упокой Господь ее душу, вечно замечала в людях тыщи вещей, которых я вабще не замечал. И почти всегда была права, в девяти случаях из десяти. – Воспоминания на минутку закрыли от него настоящее – присутствие полицейских в его доме, сильный и едкий запах горелого дерева и воды, испаряющейся с раскаленных кирпичей, который все еще стоял в воздухе, несмотря на плотно закрытые окна. В глазах его на секунду появилось нежное выражение, губы тронула мягкая улыбка. Но он тут же вернулся к реальности. – Да-да... если вам будет угодно. – Он дотянулся до каминной полки и нажал кнопку звонка, установленную на стене. Кнопка была фарфоровая, расписанная миниатюрными цветочками. Секунду спустя в дверях появилась горничная.

– Скажи мисс Флоре, что я хочу ее видеть, Полли, – приказал он. – С ней хочет побеседовать полиция.

– Да, сэр. – И она быстро удалилась, прошуршав юбками у двери, которую снова за собой прикрыла.

– Дерзкая она, эт' девчонка, – тихо сказал Латтеруорт. – Всегда имеет собственное мнение. Но привлекательна, а горничные и должны такими быть. И, видимо, вряд ли стоит ее за эт' судить слишком строго.

Флору Латтеруорт, должно быть, не меньше чем слуг донимало любопытство, потому что она тут же послушно явилась, хотя вздернутый подбородок и явное нежелание встречаться с отцом глазами, вкупе с горевшим на щечках румянцем, таким же, как у него, заставляло предположить, что они недавно горячо и возбужденно спорили о чем-то, наверняка разойдясь во мнениях, и этот спор еще не был завершен.

Выглядела Флора просто прелестно – высокая и стройная девушка с широко поставленными огромными глазами и гривой темных волос. Под обычные мерки красоты она не подходила: слишком выступающие скулы и на удивление искривленные передние зубы портили всю картину. Лицо свидетельствовало о твердом характере, и Питта нисколько не удивило то, что она поссорилась с отцом. Томас вполне мог себе представить добрую сотню тем и сюжетов, по которым они могли яростно спорить, расходясь во мнениях, – все, что угодно, начиная с газетных статей, которые ей разрешалось читать, и кончая ценами на шляпки, или же поздним часом, в который она явилась домой, и с кем при этом была.

– Добрый день, мисс Латтеруорт, – вежливо поздоровался инспектор. – Вы, несомненно, уже знаете о трагедии, что произошла прошлой ночью. Можно вас спросить, не заметили ли вы кого-нибудь на пути домой, когда возвращались с лекции? Незнакомца какого-нибудь или, напротив, кого-то знакомого?

– Знакомого? – Эта мысль явно ее удивила и озадачила.

– Если так, нам хотелось бы побеседовать с ними и узнать, не видели и не слышали ли они чего-то. – Это, по крайней мере, было отчасти правдой. Не имело смысла внушать Флоре, что она таким образом автоматически может кого-то в чем-то обвинить.

– Ах! – Ее лицо прояснилось. – Я видела двуколку доктора Шоу; она проехала мимо, когда мы выходили от Хауардов.

– Откуда вам известно, что это его двуколка?

– А в нашей округе больше ни у кого такой нет. – Никаких следов ланкаширского акцента в ее речи заметно не было. По всей вероятности, папочка оплатил ей уроки дикции, чтобы ее речь звучала как речь настоящей леди, какой он хотел ее видеть; да и сейчас, даже несмотря на явное недовольство дочерью, он очень тепло смотрел на нее, пока ее внимание было отвлечено на посетителей. – А кроме того, – продолжила она, – я рассмотрела его лицо в свете каретного фонаря.

– Что-нибудь еще? – спросил Питт.

– Вы имеете в виду, по дороге сюда? Ну, мистер Линдси вышел почти сразу за нами – я шла вместе с мистером Эрроуэем и сестрами Баркинг. Потом они пошли дальше, до самой рощи Гроув в Хайгейте. А прямо перед нами шли мистер и миссис Далгетти. Больше я никого не помню. Извините.

Томас еще пораспрашивал Флору о деталях событий того вечера и именах всех, кто присутствовал на лекции, но не узнал ничего, что могло бы оказаться полезным. Лекция закончилась слишком рано, чтобы поджигатель успел сделать свое черное дело; по всей видимости, он (или она) должен был подождать, пока это мероприятие завершится, прежде чем выбраться из своего укрытия. Вероятно, в распоряжении у него было по меньшей мере несколько часов.

Питт поблагодарил ее и попросил разрешения побеседовать с кухонной прислугой и остальными слугами, после чего их с Мёрдо проводили в комнату экономки, где они и выслушали рассказ двенадцатилетней служанки о том, как она видела привидение с горящими желтыми глазами, которое мелькнуло между кустами в соседнем саду. Она слышала, как часы в холле пробили много-много раз, а рядом совсем никого-никого не было, и газовые фонари на лестнице были погашены, и она не осмелилась никого позвать, так сильно была испугана. Она забралась в постель и укрылась одеялом с головой, и это все, что она может рассказать, готова поклясться.

Питт мягко ее поблагодарил – девчушка была всего на пару лет старше его собственной дочери, Джемаймы, – и сообщил, что она ему здорово помогла. Служанка покраснела и неуклюже изобразила реверанс, чуть не потеряв при этом равновесие, после чего удалилась в некотором замешательстве. Впервые в ее жизни взрослый человек выслушал ее рассказ с совершенно серьезным выражением на лице.

– Как вы считаете, инспектор, это был убийца? – спросил Мёрдо, когда они вышли обратно на дорогу. – Это привидение, что видела девочка?

– Движущийся свет в саду у доктора Шоу? Возможно. Нам нужно опросить всех людей, которых видела Флора Латтеруорт, когда возвращалась после лекции. Кто-нибудь из них мог заметить еще кого-то.

– Весьма наблюдательная молодая леди, весьма разумная, как мне показалось, – заметил Мёрдо и слегка покраснел. – Я что хочу сказать: она все очень подробно и четко рассказала. И никаких... э-э-э... мелодрам.

– Точно, никаких, – согласно кивнул Томас и чуть улыбнулся. – Юная леди с характером, мне кажется. Возможно, у нее было еще что нам рассказать, если бы там не было ее отца. Как мне представляется, они вообще не сходятся друг с другом во мнениях ни по каким вопросам.

Мёрдо открыл было рот, чтобы что-то ответить, но тут же сконфузился, когда понял, что намерен сказать, и с трудом сглотнул, не произнеся ни слова.

Питт улыбнулся еще шире и ускорил довольно размеренный шаг, направляясь к дому Эймаса Линдси, где сейчас нашел убежище овдовевший доктор Шоу, который не только потерял близкого человека, но и оказался бездомным.

Дом был гораздо меньше, чем имение Латтеруорта, и как только они оказались внутри, то не могли не поразиться, насколько эксцентрично он был отделан и обставлен. Владелец, по всей видимости, был раньше путешественником и антропологом. Стены украшали многочисленные резные изделия самого разнообразного вида и происхождения; они теснились на полках и столиках, даже стояли во множестве на полу. Питт, не обладая широкими познаниями в этой области, решил, что они либо африканские, либо из Центральной Азии. Ничего египетского, ближневосточного или американского он среди них не заметил – ничего, что имело бы хотя бы слабые, но знакомые черты классического искусства, наследия европейской культуры. Во всем этом было что-то чуждое, этакая варварская дикость и грубость, не совместимая с принятыми понятиями и стандартами обычного внутреннего убранства жилища среднего класса викторианской Англии.

Слуга, у которого был странный акцент, который Питту так и не удалось определить, и внешний облик, неотличимый от внешности многих англичан, но с необычайно гладкой кожей и волосами, которые, как вполне могло оказаться, нарисованы китайской тушью, провел их в гостиную. Манеры у него были просто безупречные.

Внешность же самого Эймаса Линдси оказалась в высшей степени английской – короткого роста, коренастый, с седыми волосами, и все же совершенно не такой, как Паскоу. Если последний по сути своей был идеалист, склонный все время обращаться ко временам европейского средневекового рыцарства, то Линдси был человеком неуголимого и неразборчивого любопытства, при этом наплеватьски относящийся к истеблишменту, ко всем нормам и правилам, что наглядно демонстрировали мебель и украшения в его доме. Его мысли явно блуждали где-то далеко, их больше привлекали тайны дикого и непознанного. Кожу его испещряли глубокие морщины – явное свидетельство ярости тропического солнца. Глазки маленькие и хитрые – глаза реалиста, а не мечтателя. Весь его облик свидетельствовал о здоровом чувстве юмора, особенно по отношению к абсурдностям жизни.

Но сейчас Линдси был весьма мрачен и встретил Питта и Мёрдо у себя в кабинете, не воспользовавшись гостиной.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался он. – Доктор Шоу в гостиной. Надеюсь, вы не станете засыпать его кучей идиотских вопросов, на которые может ответить кто угодно другой.

– Не станем, сэр, – уверил его Питт. – Может быть, вы сами ответите на некоторые, прежде чем мы встретимся с доктором?

– Конечно. Хотя не могу себе представить, что, по-вашему, можно от нас узнать. Но раз вы оказались здесь, то, видимо, полагаете – несмотря на всю несостоятельность такого предположения, – что это каким-то образом связано с чем-то уголовным. – Он пристально уставился на Питта. – Я лег спать в девять; я рано встаю. Я ничего не видел и не слышал, равно как и мои домашние слуги. Я уже расспрашивал их, потому что, вполне естественно, они были встревожены и обеспокоены поднявшимся ночью шумом и пожаром. Я не имею ни малейшего представления, что это была за личность, которая могла преднамеренно устроить такое, и какая здравая причина могла за этим стоять. Однако мозги человека могут свихнуться самым неожиданным образом или поддаться любому самообману.

– Вы хорошо знаете доктора и миссис Шоу?

Линдси ничуть не удивился такому вопросу.

– Я хорошо его знаю. Он один из немногих местных обитателей, с которыми мне легко общаться. Человек открытых взглядов, не заостренный в древних традициях, как большинство здешних жителей. Человек мудрый, интеллигентный, большого ума. Это не самые широко распространенные качества – и не всегда ценимые.

– А миссис Шоу? – продолжал расспрашивать Питт.

– Ее я знал не так хорошо. Да это и невозможно, конечно. Ведь нельзя обсуждать с женщиной те же проблемы, что обычно обсуждают с мужчинами. Но она была превосходная женщина: здравомыслящая, способная сочувствовать и сопереживать, скромная, но без елейности, никакого вздора, никакой лжи. Женщина самых высоких достоинств.

– А как она выглядела?

– Что? – Линдси явно был удивлен. Потом его лицо сморщилось, на нем появилось какое-то комическое выражение – этакая смесь юмора и неуверенности. – Ну, это дело вкуса, я полагаю. Темноволосая, правильные черты лица. Но тяжеловата в... – Он покраснел и руками изобразил в воздухе нечто малопонятное. Питт решил, что Линдси хотел таким образом описать изгиб бедер, если бы его не остановило чувство неуместности подобного. – Красивые глаза, мягкая в обращении, умная, интеллигентная. Звучит прямо как описание лошади... прошу прощения. Красивая женщина, таково мое суждение. И ходила она красиво. Вы, конечно же, еще побеседуете с сестрами Уорлингэм, это ее тетки; Клеменси была немного похожа на Селесту, но не на Анжелину.

– Благодарю вас. Может, теперь нам следует поговорить с доктором Шоу?

– Конечно. – И он, не произнеся больше ни слова, повел их в холл, а затем, предварительно постучав, открыл дверь в гостиную.

Питт не обратил никакого внимания на замечательные антикварные предметы на стенах – его взгляд немедленно привлек мужчину, стоявший возле камина. Его лицо было лишено какого-либо выражения чувств, но тело напряглось, словно в ожидании некоего действия или потребности в таковом. Услышав щелчок дверного замка, он обернулся, но в глазах его не вспыхнуло никакого интереса, появилось всего лишь осознание неизбежного долга. Кожа у него была бледная от переживаний, губы плотно сжаты, вокруг глаз – красные пятна от бесконечного вытирания. Черты лица свидетельствовали о сильном характере, и даже такая ужасная потеря, да еще и при столь жутких обстоятельствах, не могла стереть ни отпечатка ума и интеллигентности, ни язвительности сильной личности, о которой Питт уже так много слышал от других людей.

– Добрый вечер, доктор Шоу, – поздоровался с ним Питт. – Я – инспектор Питт с Боу-стрит, а это – констебль Мёрдо из местного участка. Сожалею, но мне необходимо задать вам несколько не совсем удобных вопросов...

– Конечно, – перебил Шоу его объяснения. Как говорил Мёрдо, он служил полицейским хирургом и все понимал. – Задавайте свои вопросы. Но сперва скажите, что вам уже известно. Вы уверены, что это поджог?

– Да, сэр. Невозможно представить, что пожар начался одновременно в четырех разных местах, причем ко всем им имеется доступ снаружи, а никаких причин в самом доме для этого не было – ни искры из камина, ни упавшей свечи в спальне или на лестнице.

– Где он начался? – Шоу теперь проявлял любопытство и уже не мог оставаться на одном месте. Он начал расхаживать, сначала прошел к одному столу, потом к другому, автоматическим движением что-то поправляя и приводя в порядок.

Питт остался стоять там, где встал, около дивана.

– Брандмейстер считает, что первыми загорелись портьеры, – ответил он. – Во всех четырех случаях.

На лице доктора появилось скептическое выражение – быстрый промельк, не лишенный, однако, даже сейчас примеси юмора и критического отношения ко всему на свете, которое, видимо, было характерным для него в обычных условиях.

– А откуда это ему известно? Там немного осталось... – тут он с трудом сглотнул, – от нашего дома.

– Он сделал такое заключение, основываясь на анализе распространения огня, – мрачно сообщил Питт. – Что сгорело полностью, что отчасти, что было повреждено, но сильно не пострадало; а еще выпавшие из кладки кирпичи и битое стекло – они указывают места, где жар на первом этапе был наиболее сильным.

Шоу нетерпеливо помотал головой.

– Да, конечно. Глупый вопрос. Извините. – Он провел сильной, красивой формы ладонью по лбу, откидывая с него прядь прямых волос. – И чего вы хотите от меня?

– В котором часу вас вызвали, сэр, и кто вызвал? – Краем глаза Томас видел Мёрдо, застывшего у дверей с карандашом и блокнотом в руках.

– Я не смотрел на часы, – ответил Шоу. – Где-то в четверть двенадцатого. У миссис Уолкотт начались роды – ее муж позвонил мне от соседа.

– Где они живут?

– В Кентиш-таун. – У него был превосходный, очень красивый голос, четкая дикция и тембр достаточно редкий и приятный. – Я сел в свою двуколку и поехал. И пробыл там всю ночь, пока ребенок не появился на свет. Я уже ехал домой, когда встретил полицейских – это было в пять утра, – и они сообщили мне о случившемся. И что Клеменси погибла.

Питт видел множество людей в первые часы после подобной утраты; это нередко входило в круг его обязанностей – сообщать им печальную новость. И всякий раз это выводило его из равновесия и мучило.

– Какая злая ирония судьбы, – продолжал Шоу, ни на кого не глядя. – Она собиралась ехать с Мод Далгетти к друзьям в Кенсингтоне и провести вечер у них. Поездка была отменена в самый последний момент. А миссис Уолкотт, как ожидалось, должна была рожать еще через неделю. То есть я должен был оставаться дома, а Клеменси собиралась уехать...

Он не стал добавлять очевидное заключение – оно так и повисло в воздухе во вдруг воцарившейся тишине. Линдси стоял неподвижно, с суровым выражением на лице. Мёрдо поглядел на Питта, и его мысли на минуту явно отразились на лице. Инспектор прекрасно знал, что это за мысли.

– Кто знал, что миссис Шоу изменила планы на вечер, сэр? – спросил он.

Шоу встретил его взгляд.

– Никто, кроме Мод Далгетти и меня, – ответил он. – И, как я понимаю, Джона Далгетти. Не знаю, кому еще они могли об этом сказать. Но они ничего не знали про миссис Уолкотт. Да и никто не знал.

Линдси уже стоял рядом с ним. Он положил руку на плечо Шоу – дружеский жест помощи и поддержки.

– У вас очень заметная двуколка, Стивен. Кто угодно мог видеть, как вы уезжаете, и решил, что в доме никого не осталось.

– Но зачем его поджигать? – мрачно спросил Шоу.

Линдси сильнее сжал его плечо.

– Бог знает... Почему пироманы вообще устраивают поджоги? Из ненависти к тем, у кого добра больше, чем у них? Чтоб насладиться властью над другими людьми? Или просто чтоб полюбоваться пламенем пожара? Не знаю.

Питт не стал спрашивать, был ли застрахован дом и на какую сумму; легче узнать это в страховой компании и получить точные цифры. Кроме того, подобный вопрос может быть сочтен оскорбительным.

Тут раздался стук в дверь и на пороге появился слуга.

– Да? – раздраженно осведомился Линдси.

– Там пришли викарий с женой, чтобы выразить свои соболезнования доктору Шоу, сэру. И предложить помощь и утешение. Попросить их подождать?

Линдси повернулся к Питту – не за разрешением, конечно, а чтобы убедиться, что тот покончил со своими неприятными расспросами и уже может удалиться.

Томас секунду колебался, неуверенный в том, удастся ли ему еще что-то узнать у доктора Шоу или же следует сейчас уступить место соображениям человечности и предоставить доктору возможность получить какое-то религиозное утешение; в конце концов, вопросы можно оставить и на потом. Возможно, ему гораздо больше удастся узнать о докторе Шоу, просто наблюдая за ним и за теми, кто хорошо знал его и его жену.

– Как вы полагаете, инспектор? – спросил Линдси.

– Конечно, – согласился Питт, хотя, судя по вызывающему выражению лица Шоу, на котором также появилось нечто вроде тревоги, можно было догадаться, что он с большим сомнением относится к религиозным утешениям викария и вообще вряд ли стремится сейчас их получить.

Линдси кивнул, и слуга вышел, а минуту спустя ввел в гостиную милого, кроткого на вид человека в одежде священнослужителя с очень серьезным выражением лица. Внешность у него была такая, словно в юности он занимался спортом, но теперь, когда ему перевалило за сорок, несколько распустился. В нем было слишком много застенчивости и даже робости, чтобы он смотрелся красивым, но в правильных чертах его лица не имелось ничего злобного или высокомерного, равно как и в мягких очертаниях рта, говоривших о неуверенности в себе. Попытка выглядеть хотя бы внешне спокойным прикрывала нервозность: в сложившейся ситуации он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Его сопровождала женщина с простым, интеллигентным лицом, с немного слишком тяжелым лбом и слишком мощным носом, чтобы это могло понравиться большинству людей, но с мягко очерченным ртом, выдававшим добродушие. В отличие от своего мужа, она прямо-таки источала мощную энергию, которая целиком была направлена на доктора Шоу. Линдси или Питта она едва заметила и ничем не дала понять, что принимает их во внимание. Мёрдо же остался для нее невидимым.

– Э-э-э... гм! – произнес викарий, явно очень смущенный, заметив, что полицейские все еще здесь. Он заранее приготовил то, что будет говорить, а теперь это не соответствовало обстановке, а у него ничего не оказалось в запасе. – Э-э-э... я преподобный Гектор Клитридж, – неуклюже представился он. – Моя жена Юлейлия. – Он кивнул в сторону стоящей рядом женщины и махнул рукой с толстым запястьем в рукаве со слишком свободно болтающейся белой манжетой.

После чего викарий обернулся к Шоу, и выражение его лица изменилось. Он явно пытался справиться с неким затруднением. Его точно раздирали противоречия, колебания между естественным отвращением и тревогой и с трудом достигнутой решимостью.

– Мой дорогой Шоу, у меня нет слов, чтобы выразить свои чувства в связи с этой трагедией! – Тут он сделал полшага вперед. – Ужасное происшествие! В расцвете жизни нас всех подстерегает смерть... Как же хрупка человеческая жизнь в этой юдоли плачевной! Удары падают на нас так внезапно... Где найти слова утешения?

– Только не нужно этих пошлостей, черт побери! – резко сказал Шоу.

– Да, конечно, мы, несомненно... – заюлил Клитридж, пытаясь выпутаться из неудобного положения. Его лицо порозовело.

– Люди произносят эти слова так часто, потому что это истинная правда, доктор Шоу, – сказала миссис Клитридж с искренней улыбкой, не сводя глаз с доктора. – Каким же иным образом можем мы выразить свое сочувствие вам и наше желание вас как-то утешить?

– Да-да, конечно, конечно... – забормотал Клитридж. – Я займусь любыми... любыми делами... приготовлениями, какие только вам угодно будет... э-э-э... Конечно, пока еще рано... – Тут он окончательно замолк и уставился на дверь.

– Спасибо, – прервал его Шоу. – Я дам вам знать.

– Конечно. Конечно. – Клитридж испытал явное облегчение.

– А пока что, дорогой доктор... – Миссис Клитридж сделала шаг вперед, ее глаза засверкали, лицо вспыхнуло, спина под темным бомбазином выпрямилась, словно женщина приближалась к какому-то очень волнующему и несколько опасному моменту. – А пока что примите наши соболезнования. И, пожалуйста, обращайтесь к нам по любому поводу – мы выполним любое ваше поручение, сделаем любое дело, каким вам не захочется заниматься самому. Все мое время в вашем распоряжении.

Шоу посмотрел на нее, и на его губах появилась тень улыбки.

– Спасибо, Юлейлия. Вы очень добры.

Она еще больше покраснела, но больше ничего не сказала. То, что он назвал ее по имени, свидетельствовало об известной близости между ними, даже фамильярности, особенно в свете того, что произнесено это было в присутствии полицейских, стоящих явно ниже на социальной лестнице. По тому, как Шоу при этом приподнял брови, Питт догадался, что сделано это было намеренно, чисто автоматически; он как будто инстинктивно отбросил любое притворство.

И Томас тут же увидел всех их совершенно в другом свете – всех шестерых, находящихся сейчас в этой комнате; всех их, озабоченных внезапной и трагической гибелью женщины, хорошо и близко им знакомой; все они пытались найти утешения и для самих себя, и для остальных, но все между тем соблюдали все приличия и нормы поведения в обществе, старались маскировать простоту своих истинных чувств, разговаривая о правилах и традициях. Но эти старые привычки и традиции все равно давали о себе знать: привычка Клитриджа вполне ожидаемо цитировать Священное Писание, стремление Юлейлии всегда приходить ему на помощь. Личность Шоу определенно вызывала у нее некие попытки более остро реагировать на события, и это ее и радовало, и беспокоило. Но верх одерживало чувство долга. Вероятно, оно всегда одерживало верх.

По напряженной позе Шоу и его бесконечным передвижениям можно было понять, что ничто из всего этого не проникало глубже самой поверхности, не затрагивало его ума и чувств. Боль, что мучила его, сидела глубоко внутри, и он будет терпеть ее в полном одиночестве – если, конечно, Линдси не придумает что-то, что позволит ему закрыть разделяющую их сейчас пропасть.

Питт отступил назад, покинув середину комнаты, встал рядом с узорчатыми гардинами, наблюдая за остальными, и поглядел на Мёрдо, давая тому понять, чтобы он занялся тем же самым.

– Вы намерены оставаться здесь, у мистера Линдси? – осведомилась Юлейлия, вопросительно глядя на Шоу. – Уверяю вас, вы можете рассчитывать и на наше гостеприимство; дом приходского священника в вашем распоряжении, если пожелаете. И вы можете оставаться у нас столько, сколько вам будет угодно, пока... конечно, вы же купите себе новый дом...

– Пока что нет, моя дорогая, пока что нет, – громким шепотом сказал Клитридж. – Сперва мы должны, э-э-э, организовать... заняться, э-э-э, духовными...

– Ерунда! – прошипела она в ответ. – Бедняге же нужно где-то спать! Нельзя все время заниматься одними только эмоциями, надо же сперва куда-то пристроить человека!

– Это совершенно иная сторона дела, Лелли! – Викарий уже начинал сердиться. – Пожалуйста, позволь мне...

– Спасибо, – перебил его Шоу, оборачиваясь от маленького столика, где стоял, теребя пальцами орнамент. – Я останусь у Эймаса. Но я благодарен вам за сочувствие и доброту. Вы совершенно правы, Юлейлия, как обычно, правы. Гораздо лучше справляться с горем, живя в комфортабельных условиях. Нет ничего хорошего в тревогах и волнениях по поводу того, где спать или что есть.

Клитридж явно возмущился, но никаких возражений не выразил: справиться с такой оппозицией ему было точно не по силам.

Выручило его из этого положения новое появление слуги, который объявил о приходе новых визитеров.

– Мистер и миссис Хэтч, сэр. – Вопрос о том, следует или не следует их принимать, так и не прозвучал. Питта уже разбирало любопытство.

– Конечно. – Линдси кивнул.

Пара, которую слуга ввел в гостиную минуту спустя, была одета весьма сдержанно и скромно, даже слишком скромно. Она была во всем черном, а он носил высокий воротничок, черный галстук и костюм с высокой застежкой какого-то неопределенно-темного оттенка. На его лице застыло чрезвычайно важное и серьезное выражение; оно было бледное, губы плотно сжаты, а глаза сверкали от сдерживаемых эмоций. Такое его выражение тут же привлекло внимание Томаса – его резкость выдавала такую же страстность характера, как у Шоу, хотя, судя по всему, природные склонности этого человека были иными; он был явно сдержан и осторожен в своих суждениях, более обращен внутрь самого себя, тогда как Шоу был откровенен, быстр и резок в выражении своих чувств; в этом типе преобладала умеренность и воздержанность, даже меланхолия, в то время как Шоу был полон жизненной энергии и живого юмора; и тем не менее здесь точно имела место такая же глубина и такая же мощь чувств.

Но первой вперед вышла миссис Хэтч; не обращая внимания на всех остальных, она направилась прямо к доктору Шоу, и он, кажется, именно этого и ожидал: обнял ее и прижал к себе.

– Моя дорогая Пруденс!

– Ох, Стивен, это так ужасно! – Она восприняла его объятия без всяких колебаний. – И как такое могло случиться?! Я была уверена, что Клеменси в Лондоне, у Бозинни. Слава богу, хоть вы не были дома!

Шоу ничего ей не ответил. На эти слова у него ответа не нашлось.

Воцарилось неловкое молчание, поскольку остальные, кто не мог похвастаться столь же глубокими эмоциями, были поражены и сконфужены этим заявлением и тем, что на них не обратили никакого внимания и вообще явно желали, чтобы их тут вообще не было.

– Это сестра миссис Шоу, – прошептал Мёрдо, наклонившись поближе к Питту. – Обе дамы – дочери покойного Теофилиуса Уорлингэма.

Питт никогда не слышал ни о каком Теофилиусе Уорлингэме, но, по всей вероятности, этот человек пользовался здесь известностью и авторитетом, если судить по тому почтению, с которым Мёрдо произнес его имя.

Джозайя Хэтч прочистил горло, чтобы обратить на себя внимание и завершить этот эпизод. Приличия надо соблюдать, а он уже разглядел неясные фигуры Питта и Мёрдо в неосвященном углу гостиной, которые не вписывались в привычный антураж, не участвовали в происходящем, и тем не менее присутствовали здесь, выделяясь своей чужеродностью.

– Нам следует утешать себя верой и молитвами, – заявил он. При этом он косо глянул в сторону Клитриджа. – Я уверен, что викарий уже выразил вам свою духовную поддержку. – Его слова прозвучали почти как вызов, как обвинение, словно он ни в чем не был уверен. –

В подобные моменты мы обращаемся к своим внутренним ресурсам и помним, что Господь пребывает с нами даже в мрачных долинах смертной тени, и Его воля пребудет вовеки.

Заявление было одновременно банальным и таким, на которое нечего возразить, а он тем не менее был болезненно искренен.

Словно заметив в этих словах искренность и честность, Шоу мягко отстранил от себя Пруденс и ответил ему:

– Спасибо, Джозайя. Для меня это огромное облегчение, что вы здесь и сможете поддержать Пруденс.

– Конечно, – согласно кивнул Хэтч. – Это же святой долг любого мужчины – поддержать женщину в дни горя и бедствий. Они по природе своей слабее и более чувствительны к подобным вещам. Именно эта их нежность и чистота помыслов делают их столь пригодными и готовыми к материнству и воспитанию юного поколения, так что мы должны благодарить за это Бога. Я помню, как наш дорогой епископ Уорлингэм говорил примерно то же самое, когда я еще был молодым.

Он обращался не к кому-то конкретному, а вроде как заглядывал куда-то в глубины собственной памяти.

– Я никогда не перестану благодарить Бога за то время, что в молодости провел с дорогим епископом. – Его лицо искажилось, как от боли. – Обучение у этого великого человека, его руководство в обретении духовного совершенства и осознании пути истинного христианина в значительной мере компенсировало боль от отказа отца позволить мне принять духовный сан.

Он посмотрел на жену.

– Ваш дедушка, моя дорогая, был почти святой; такие люди редко встречаются в нашем несчастном мире. Его нам ужасно не хватает, и это очень печально. Он бы точно знал, как действовать, что делать при подобной утрате, что сказать каждому из нас, как объяснить божественную мудрость, дабы все мы обрели мир и душевное спокойствие, смирились с этим.

– Воистину, воистину так, – не к месту произнес Клитридж.

Хэтч посмотрел на Линдси.

– Это было до вас, сэр, вам очень не повезло. Епископ Огастес Уорлингэм был замечательный человек, истинный христианин, великий проповедник; он облагодетельствовал бесчисленное множество мужчин и женщин и материально, и духовно. – От чуть наклонился вперед, его лицо напряглось и сморщилось, словно подчеркивая серьезность и искренность его высказываний. – Никто теперь не может сказать, сколь многие следуют ныне праведными путями благодаря его трудам на сей земле. Лично я знаю десятки таких. – Он пристально уставился на Линдси. – Сестры Уайкомб, все трое, поступили медсестрами в больницу, дабы заботиться о страждущих, исключительно по его наущению. А мистер Бартфорд принял сан и отправился миссионером в Африку. Никому не дано измерить всю меру семейного счастья, достигнутого благодаря его советам на предмет должного места женщины в доме и ее долга и обязанностей. Его деятельность охватывала огромную территорию, не один только Хайгейт был осчастливлен и благословлен его трудами...

Линдси явно пребывал в замешательстве, но не перебивал – возможно, просто не мог придумать ничего подходящего, что можно было бы сейчас сказать. Шоу плотно сжал зубы и смотрел в потолок. Миссис Хэтч прикусила нижнюю губу и нервно посмотрела на Шоу. А Хэтч стремительно двинулся дальше, с новой силой и искренностью в голосе:

– Вам, несомненно, известно о новом витраже, посвященном его памяти, который мы собираемся открыть в церкви Святой Анны? Он уже почти готов, нам нужно лишь собрать еще немного денег. Он будет представлен как воплощение пророка Иеремии, обучающего людей основам Ветхого Завета; он будет изображен с ангелами, сидящими на его плечах.

Шоу сжал зубы и с явным трудом воздержался от каких-либо комментариев.

– Да-да... я слышал, – поспешно сказал Линдси. Пребывая в замешательстве, он оглянулся на Шоу, который теперь ходил, словно не в силах сдержать внутреннее волнение. – Уверен, это будет прекрасный витраж, и он многим понравится.

– Дело вовсе не в этом, – резко сказал Хэтч; он насупился и в гневе сжал губы. – Дело отнюдь не в красоте, мой дорогой сэр, а в духовном подъеме, в стремлении к возвышенному. В спасении душ от греха и невежества, в том, чтобы напомнить верующим о пути, которым мы должны идти, и о цели, к которой следует стремиться. – Он покачал головой, точно хотел избавиться от настоятельных требований окружающего его огромного материального мира. – Епископ Уорлингэм был праведником, он превосходно понимал порядок вещей и наше место в предначертаниях Господних. Мы, к несчастью нашему, пока что не используем влияние его авторитета. Но теперь этот витраж станет памятником ему, и люди каждое воскресенье будут возводить очи горе, любоваться им, и благодать Господня, Божий свет будут нисходить на них.

– Да бросьте вы, мой милый, свет будет нисходить на них из любых окон, что там имеются в стенах, – резко бросил Шоу. – А по сути дела, больше всего этого света можно заполучить, стоя снаружи, на кладбище, на свежем воздухе.

– Я выражаюсь фигурально, – ответил Хэтч с затаенной яростью во взгляде. – Разве можно относиться к подобным вещам с такими приземленными понятиями? По крайней мере, в этот час горя от потери вы могли бы вознести душу свою к более высоким, вечным материям. – Он яростно заморгал, губы побелели, голос задрожал. – Все это и без того Бог знает как ужасно!

Эта мимолетная ссора погасла, и горе заняло место взаимной ярости. Шоу теперь стоял неподвижно, наконец замерев на месте, в первый раз с момента появления здесь Питта.

– Да-да, я... – Он никак не мог заставить себя извиниться. – Да, конечно. Вот, полиция явилась. Это был поджог.

– Что?!

Хэтч был поражен. От лица его отлила кровь, он даже покачнулся. Линдси придвинулся ближе к нему на случай, если он упадет. Пруденс метнулась назад и протянула руки, но тут до нее дошел смысл сказанного Шоу, и она также замерла в ужасе на месте.

– Поджог! Вы хотите сказать, что кто-то намеренно поджег дом?

– Совершенно верно.

– Значит, – она с трудом сглотнула, стараясь взять себя в руки, – значит, это было убийство!

– Да. – Шоу опустил ладонь на ее плечо. – Извини, моя дорогая. Но именно поэтому сюда и явилась полиция.

Тут она и Хэтч впервые обратили внимание на Питта. Их взгляды выражали одновременно тревогу и неприязнь. Хэтч распрямил плечи и, пересилив себя, обратился к Питту, полностью игнорируя Мёрдо:

– Сэр, мы ничего не в состоянии вам сообщить. Если это и в самом деле было преднамеренное преступление, тогда ищите какого-нибудь бродягу. А пока что оставьте нас в покое, дайте возможность побыть наедине с нашим горем – во имя гуманности.

Было поздно; Питт устал, проголодался, вымотался и уже изнемогал от увиденного горя, боли, от едкого запаха застоялого дыма, от пепла, засыпавшегося ему за шиворот. Вопросов у него больше не было. Он видел результаты судебно-медицинской экспертизы и выяснил то небольшое, что можно было из них узнать. Нет, это дело рук не какого-нибудь бродяги, это было тщательно подготовленное преступление с намерением уничтожить – а скорее всего, убить. Но кем подготовленное? В любом случае ответ таится в сердцах людей,

хорошо знавших Стивена и Клеменси Шоу, и, вполне возможно, Томас уже видел этого человека или слышал его имя.

– Да, сэр, – сказал он с некоторым облегчением. – Спасибо за время, которое вы нам уделите. – Последнее он адресовал доктору Шоу и Линдси. – Как только я узнаю что-то еще, то сообщу вам.

– Что? – Шоу даже скривился. – Ах да, конечно... Спокойной ночи... э-э-э, инспектор.

Питт и Мёрдо направились к выходу и через несколько минут уже шли по притихшей улице, освещая себе путь фонарем констебля и направляясь обратно к хайгейтскому полицейскому участку. Питт же жаждал наконец сесть в кеб и отправиться домой.

– Как вы считаете, они охотились за доктором или за миссис Шоу? – спросил Мёрдо, когда они прошли пару сотен ярдов. Ночной ветерок гнал им в лица холодный воздух с первыми признаками морозца.

– Могло быть и то, и другое, – ответил Томас. – Но если их целью являлась миссис Шоу, тогда, кажется, о ее присутствии дома знали только мистер и миссис Далгетти и сам наш добрый доктор.

– Надо полагать, нашлось бы немало таких, кто хотел бы убить доктора, – задумчиво сообщил Мёрдо. – Мне кажется, врачи вообще всегда тем или иным образом узнают множество людских тайн и секретов.

– Действительно, – согласился с ним Питт, передергиваясь от холода и ускоряя шаг. – И если так, то доктор может знать, кто стоит за этим. А они могут сделать еще одну попытку.

Глава 2

Шарлотта Питт перегладила половину белья, и рука ее устала от тяжелого утюга. Еще она сшила три наволочки и заштопала лучшее платье Джемаймы. Потом засунула его в корзину с шитьем и отставила подальше, где ее не было видно – по крайней мере, при случайном взгляде; а это было самое большое, на что будет способен Томас, заглянув в этот угол комнаты, когда придет.

Было уже почти девять вечера, и Шарлотта давно прислушивалась к любому скрипу и иному шуму, дожидаясь его. Сейчас же она старалась отвлечься от этого занятия, уселась на пол в самом неудобном и неподобающем положении и стала читать «Джейн Эйр». Когда же муж наконец явился домой, она не слышала его до тех пор, пока он не снял пальто, повесил его и появился в дверях.

– Ох, Томас! – Шарлотта отложила книгу и поспешно поднялась на ноги, с некоторым трудом расправляя юбку. – Томас, где это тебя носило? От тебя просто ужасно пахнет!

– Пожар, – ответил он, целуя ее, лишь чуть касаясь ее лица губами, но не привлекая к себе, чтобы не испачкать ей платье сажей и грязью.

Шарлотта отметила в тоне его ответа признаки усталости и еще кое-что, явный отзвук какой-то трагедии.

– Пожар? – переспросила она, задержав на нем взгляд. – И кто-то погиб в огне?

– Женщина.

Она подняла взгляд:

– Убийство?

– Да.

Шарлотта помедлила, обозревая его помятую и запачканную одежду, местами еще мокрую от послеполуденного дождя, потом изучила выражение его глаз.

– Хочешь есть? Или сперва помоешься? Или сначала все мне расскажешь?

Томас улыбнулся. Было нечто немного нелепое в ее прямоте и откровенности, особенно после сдержанных, тщательно выверенных манер Клитриджей и Хэтчей.

– Чашку чаю, потом снять сапоги, а уж потом, попозже, горячей воды, – честно ответил он.

Шарлотта восприняла это как отказ разговаривать и поспешила на кухню. Ее ноги в чулках бесшумно скользили по линолеуму коридора, по тщательно вымытым доскам пола в кухне. Плита была горячая, как всегда; Шарлотта поставила чайник на огонь, отрезала ломоть хлеба и намазала его маслом и джемом. Она была уверена, что муж захочет именно такой бутерброд, едва увидит его.

Томас последовал за ней на кухню и невольно встал на ее пути.

– Где это случилось? – спросила Шарлотта.

– В Хайгейте, – сказал он, и она обошла его, чтобы достать кружки.

– В Хайгейте? Это же не твой район.

– Не мой, но они уверены, что это поджог, так что местные полицейские сразу послали за нами.

Шарлотта уже поняла это по запаху дыма и пятнам сажи на его одежде.

– Это дом одного врача, – продолжал Питт. – Тот был на вызове, его позвали к рожавшей женщине, причем неожиданно, до срока, но его жена оставалась дома. Она в последний момент отменила поездку в город. И погибла. Сгорела.

Чайник закипел, и Шарлотта плеснула кипятку в заварочный чайничек, заварила чай и поставила его доходить до готовности. Томас наконец уселся, и она села напротив, тихо спросив:

- Молодая?
- Около сорока.
- Как ее звали?
- Клеменси Шоу.

– А это не могло быть несчастным случаем? Ведь все время случается множество пожаров – искра из ничем не прикрытого камина, или кто-то курил сигару и не затушил ее как следует... – Шарлотта разлила чай и придвинула одну из кружек поближе к нему.

– Чтобы огонь занялся на портьерах сразу в четырех разных комнатах, на первом этаже и посреди ночи? – Томас взял свою кружку, отпил и обжег себе язык. И быстро впился зубами в хлеб с джемом.

– Ох! – Шарлотта подумала, как это страшно – проснуться посреди ночи от рева пламени и жара, сразу понять, что это такое, и осознать, что ты заперта в ловушке. И еще более страшно понимать, что кто-то сделал это намеренно, зная, что ты внутри, и имея целью сжечь тебя живьем. Мысль была такой ужасной, что на секунду ей стало плохо.

Питт слишком устал, чтобы это заметить.

– Мы пока что не знаем, кого они хотели погубить – миссис Шоу или ее мужа. – Он снова отпил чаю.

Шарлотта догадалась, что Томас, должно быть, чувствовал то же самое, что и она сама сейчас чувствовала. Он наверняка воображал себе те же самые картины, только более живо: он ведь воочию видел обгоревшие руины, от которых еще исходил жар, дым все еще наполнял воздух, и от него щипало в глазах и в горле.

– Ты уже ничего не можешь сделать нынче, Томас. Ей теперь уже не больно, не стоит так расстраиваться, – тихо и нежно сказала она. – Это же вечная история: всегда кто-то кому-то причиняет боль, но мы не можем взять эту боль на себя. – Шарлотта поднялась на ноги. – Тут ничем не поможешь. – Она погладила мужа по руке. – Я сейчас нагрее воды, и ты можешь вымыться. А потом сразу в постель. Скоро уже утро.

Питт ушел из дому, как только покончил с завтраком, и Шарлотта занялась рутинными домашними делами и заботами. Проводила Джеммайму и Дэниела на уроки – они учились в одной школе недалеко от их дома; потом Грейси, горничная, начала убирать, вытирать пыль и подметать. Тяжелую работу – мыть и скрести полы, выбивать ковры, приносить уголь и кокс для кухонной плиты – выполняла миссис Хор, которая приходила три раза в неделю.

Шарлотта снова занялась гладкой, а когда закончила, стала месить тесто для ежедневной выпечки хлеба. Потом начала было мыть банки для джема, но тут раздался стук в дверь. Грейси отбросила швабру и побежала открывать. Минуту спустя она вернулась, запыхавшись, вся сияя от возбуждения.

– Ох, мэм, это леди Эшворд вернулась... я хочу сказать, миссис Рэдли, она вернулась из свадебного путешествия! И вся такая красивая и счастливая!

И в самом деле, следом за ней вошла Эмили, вся увешанная красивыми пакетами, завернутыми в упаковочную бумагу и перевязанными лентами, – крутящийся водоворот юбок из шумно шелестящей тафты роскошного бледно-зеленого цвета. Она вывалила всё на кухонный стол, не обращая внимания на банки, и обняла Шарлотту, так яростно прижав ее к себе, что та чуть не потеряла равновесие.

– Ох, как же я по тебе соскучилась! – жизнерадостно воскликнула она. – Как здорово снова оказаться в Лондоне! Мне тебе надо очень многое рассказать, я бы просто не вынесла, если бы тебя не оказалось дома. Я от тебя сто лет никаких писем не получала – конечно, я вообще не получала никаких писем с тех пор, как мы уехали из Рима. На море так скучно, если, конечно, не возникнет какой-нибудь скандал или не случится что-то между пассажирами. А ничего такого не было... Шарлотта, как это человек может провести всю жизнь,

играя в безик или в баккара, или обмениваясь какими-то глупыми историями, или высматривая, у кого самый модный турнюр или самая элегантная прическа? – Тут она отступила назад и уселась на один из кухонных стульев.

Грейси стояла столбом, словно приросла к месту, широко раскрыв глаза; ее воображение бурлило, представляя корабли, полные играющих в карты аристократов в роскошных одеждах. Ее швабра все еще стояла, прислоненная к стене в коридоре, а пылевая тряпка торчала из-за пояса фартука.

– Вот! – Эмили схватила самый маленький пакет и протянула его ей. – Грейси, я привезла тебе шаль из Неаполя!

Девушка была вне себя от восторга. Она смотрела на Эмили, словно та вдруг материализовалась перед нею по какому-то волшебству. Чувства так переполняли ее, что она не могла произнести ни слова. Ее маленькие ладошки сомкнулись на пакете, стиснув его сильно-сильно... Слава богу, это была материя, а не то содержимое пакета непременно разбилось бы.

– Открывай! – скомандовала Эмили.

Грейси наконец обрела дар речи.

– Это что ж, мне, миледи? Мне?!

– Конечно, тебе, – ответила ей Эмили. – Когда пойдешь в церковь или просто выйдешь на улицу, ты должна набрасывать ее на плечи, а если шаль кому-то понравится, скажешь, что ее тебе привезла подруга с Неаполитанского залива.

– Ох! – Грейси трясущимися пальцами развернула бумагу, а когда из нее выпал волнистый поток красно-сине-золотого шелка, выдохнула в полном экстазе. Тут она вдруг вспомнила о своих обязанностях и бросилась в коридор к своей швабре, прижимая к груди только что обретенное сокровище.

Шарлотта улыбнулась, ощутив прилив радостного возбуждения, который, видимо, не будет превзойден восхищением от любых других подарков, которые Эмили могла привезти Джемайме и Дэниелу.

– Это очень мило с твоей стороны, – спокойно сказала она.

– Чепуха! – отмахнулась Эмили, сама слегка сконфуженная. Она унаследовала небольшое состояние от своего первого мужа, а шаль стоила сущую ерунду; такая маленькая вещица, а сколько от нее радости! Она разложила по столу остальные пакеты и нашла тот, на котором было написано имя Шарлотты. – Вот. Пожалуйста, разверни. Остальное – для Томаса и детей. А теперь рассказывай. Чем ты занималась все время после последнего отправленного мне письма? Приключения или происшествия какие-нибудь случались? С кем-нибудь интересным познакомилась? Или со скандально известным? Занимаешься каким-нибудь расследованием?

Шарлотта улыбнулась радостной и благожелательной улыбкой и, игнорируя этот поток вопросов, открыла пакет, аккуратно отложив в сторону оберточную бумагу – и чтобы помучить и подразнить Эмили, и потому, что бумага была слишком красивая, чтобы ее просто разорвать; она решила приберечь ее для подарков на Рождество. Внутри оказались великолепные букетики цветов ручной работы из роскошного шелка – для украшения шляпок. Они были столь великолепны, что Шарлотта даже ахнула, пораженная, когда их рассмотрела. С их помощью любая, самая обычная шляпка будет смотреться вполне достойной какой-нибудь герцогини, а если приколоть такой к юбке, то платье из обычной тафты тут же превратится в бальное. Один букетик был пастельно-розовых тонов, другой – кричаще-красный, а третий имел совершенно необычный оттенок, нечто среднее между розовым фламинго и пламенеющим костром.

– Ох, Эмили! Ты просто гений! – Шарлотта сразу же мысленно перебрала все новые возможности, которые открывались перед нею при наличии этих роскошных подарков, не

говоря уж о самом удовольствии и наслаждении от их ощупывания, рассматривания и мечтания, что само по себе уже доставляло огромную радость, даже если не думать ни о чем другом. – Ох, спасибо тебе! Они такие изящные!

Эмили вся расплылась от удовольствия, более чем удовлетворенная.

– В следующий раз привезу зарисовки Флоренции. А тут вот дюжина платков для Томаса, шелковых и с его инициалами.

– Он будет в восхищении, – сказала Шарлотта с полной уверенностью. – А теперь расскажи о своем путешествии – все, что можешь, за исключением самых ужасно личных моментов.

Она вовсе не собиралась расспрашивать сестру, насколько та счастлива, да ей и не пришлось бы этого делать. Брак с Джеком Рэдли был совершенно внезапным, безумным и очень личным решением. У него не было ни денег, ни перспектив; кроме того, для Эмили это была весьма радикальная перемена в общественном положении. Особенно после Джорджа Эшворда, у кого были и деньги, и положение в обществе, да еще и титул в придачу. А она действительно любила Джорджа и очень переживала его смерть. Но Джек, при всей его сомнительной репутации, доказал все же, что его очаровательная внешность и прочие прекрасные качества оказались не такими уж поверхностными, как это казалось вначале. Он умел быть преданным другом, был смел, не лишен чувства юмора и с богатым воображением; был готов идти на любой риск ради дела, которое считал правым и справедливым.

– Поставь чайник, – велела Эмили. – А у тебя выпечка есть, печенье какое-нибудь? – Она понюхала воздух. – Пахнет просто восхитительно!

Шарлотта послушно поставила на плиту чайник и села, готовая слушать.

Эмили писала ей регулярно, если не считать последние пару недель, которые провела в море, в длинном путешествии из Неаполя в Лондон. Плыли они намеренно медленно, заходя по пути во множество портов, но оттуда она писем не посылала, полагая, что они не доберутся до Шарлотты раньше, чем доберется домой она сама. И теперь слова лились из ее рта сплошным потоком – описания Сардинии, Балеарских островов, Северной Африки, Гибралтара, Португалии, Северной Испании и атлантического побережья Франции.

Для Шарлотты все это были места, полные магии, неизмеримо далекие от Блумсбери и деловых улиц Лондона, от ее домашних дел, детей и рассказов мужа о том, как прошел очередной его день. Она никогда их не увидит, и частью сознания Шарлотта очень жалела об этом; ей ужасно хотелось увидеть эти освещенные ярким светом разноцветные стены, почувствовать ароматы специй и фруктов, даже пыли, ощутить горячие солнечные лучи и услышать непривычные ритмы чужих наречий. Они бы дали пищу для ее воображения, на многие годы обогатили бы ее память. Но кое-что она, несомненно, могла почерпнуть из рассказов Эмили и обогатиться таким образом, не испытав приступов морской болезни, тягостных переездов в переполненных дилижансах, крайне неудовлетворительных санитарно-гигиенических условий и огромного множества разнообразных насекомых, которых Эмили описывала с отталкивающими подробностями.

Из всего этого вырисовывалась более яркая и впечатляющая картинка – очень добрый и хороший, остроумный, хотя и гораздо менее романтичный Джек, так что Шарлотта в итоге обнаружила, что многие ее тревоги исчезли без следа.

– Ну вот, теперь ты дома. Собираешься жить в городе? – спросила она, глядя прямо в лицо Эмили, загорелое от солнца и ветра, но с темными пятнами усталости под глазами. – Или поедешь в деревню? – От брака с лордом Эшвордом Эмили унаследовала большой загородный дом с собственным парком; этим имуществом она управляла на правах опекуниши своего сына.

– О нет! – быстро ответила сестра. – По крайней мере... – Тут она состроила удрученную гримаску. – Ну, не знаю. Теперь все совсем иначе, мы уже никуда не планируем ехать,

не нужно каждый день ничего разглядывать и стремиться успеть куда-то к ночи. Это начало новой, реальной жизни. – Она опустила взгляд на свои руки, маленькие и сильные, без морщин, лежащие на столе. – Я немного пугаюсь того, что нам скоро нечего будет сказать друг другу... и пытаюсь определить, чем мне заняться, чтобы заполнить день. Теперь все будет настолько по-другому... Никаких кризисов, никаких критических ситуаций. – Она изящно понюхала воздух и улыбнулась Шарлотте. – До того, как мы поженились, на нас то и дело давило какое-нибудь ужасное событие, которое требовало немедленных действий, – сначала смерть Джорджа, потом эти убийства в ХанOVER-клоуз. – Она чуть приподняла свои красивые брови с выражением надежды на лице, и ее синие глаза широко раскрылись; но сестры слишком хорошо знали друг друга, чтобы Эмили стала разыгрывать невинность. – Может, у Томаса найдется новое дело, в расследовании которого мы могли бы ему помочь, а?

Шарлотта разразилась смехом, хотя отлично знала, что Эмили говорит совершенно серьезно, и все прошлые дела, в расследовании которых они принимали участие, были чреватые трагедиями, опасностями, равно как и приключениями, которые они могли в себе таить.

– Нет. Хотя, пока тебя не было, случилось одно ужасное происшествие.

– А ты мне ничего не сказала! – Лицо Эмили выражало ужасное осуждение и недоумение. – И что? Что за происшествие? И почему ты мне про него не написала?

– Потому что ты стала бы волноваться и беспокоиться, и это испортило бы тебе все удовольствия от медового месяца, а мне хотелось бы, чтобы ты побольше радовалась, изучая все прелести Парижа и Италии и не думая о людях, которым перерезали глотку в лондонском тумане. – Шарлотта говорила совершенно честно. – Но теперь я, конечно, все тебе расскажу, если хочешь.

– Конечно, хочу! Но сперва налей мне еще чаю.

– Мы можем и поесть, ланч готов, – предложила Шарлотта. – У меня есть холодное мясо и свежие пикли. Пойдет?

– Очень хорошо, только рассказывай, пока накрываешь на стол, – велела Эмили.

Она не предложила помочь; они обе воспитывались в ожидании брака с настоящим джентльменом из их же социального круга, который сможет обеспечить их хорошо устроенным домом и соответствующей домашней прислугой, которая будет заботиться о хозяйстве и о кухне. Однако Шарлотта вышла замуж за человека, стоящего сильно ниже на социальной лестнице – за полицейского, – и научилась сама заботиться о доме. Эмили же, наоборот, выскочила за более высокого по статусу аристократа с хорошим состоянием, так что годами вообще не бывала в кухне, если не считать кухни Шарлотты. И хотя отлично разбиралась в кулинарии и вполне могла одобрить или раскритиковать любую стряпню, начиная от дома деревенского сквайра и кончая кухней во дворце королевы, но не имела ни малейшего понятия (да и не желала его иметь) о том, как и что готовится.

– Ты уже была у тетушки Веспасии? – спросила Шарлотта, нарезая мясо.

Тетушка Веспасия на самом деле была двоюродной бабкой Джорджа и не имела к обеим сестрам прямого родственного отношения, но они всегда восхищались ею и любили гораздо больше и нежнее, чем кто-либо из ее семьи. В свое время леди Камминг-Гульд была одной из самых известных красавиц Лондона. Теперь же она приближалась к восьмидесяти и в силу богатства и социального статуса, коими обладала, пользовалась немалым влиянием и всегда имела независимое мнение, чтобы вести себя так, как ей нравилось, поддерживать и отстаивать любое начинание, как того требовала ее совесть или призывали ее симпатии. Она очень модно одевалась и могла очаровать и премьер-министра, и уборщика – или заставить обоих замереть на месте в двадцати шагах от нее, остановив одним своим ледяным взглядом.

– Нет, – ответила Эмили. – Собиралась навестить ее нынче ближе к вечеру. А тетушка Веспасия знает об этом последнем вашем деле?

Шарлотта хитро улыбнулась.

– О да! Она принимала в нем участие. Вообще-то, это она предоставила мне свой экипаж и лакея, чтобы я поехала на окончательный разбор дела. – Тут она намеренно замолчала, и ее последние слова повисли в воздухе.

Эмили выжидательно уставилась на нее. Шарлотта, игнорируя ее любопытство, наполнила водой чайник и открыла кухонный шкаф, ища соленья. Она даже решила чуть слышно напеть какую-то мелодию, но потом передумала по той причине, что пела не слишком хорошо, а вот Эмили петь умела.

Младшая сестра начала нетерпеливо постукивать пальцами по дочиста выскобленной деревянной столешнице.

– Одного члена парламента нашли привязанным к фонарному столбу на Вестминстерском мосту... – И Шарлотта начала рассказывать всю эту историю, сначала с удовольствием, потом с трепетом, а в конце с ужасом и жалостью. А когда закончила рассказ, на столе уже было все готово, а за окном был уже поздний полдень.

Эмили почти ничего не сказала, лишь протянула руки через стол и сжала ладони Шарлотты своими пальцами.

– Тебя же могли убить! – сердито сказала она, но в глазах у нее стояли слезы. – Тебе никогда не следует заниматься подобными вещами, это чистое безумие! Полагаю, что все, что мне хотелось бы тебе сказать по этому поводу, тебе уже сообщил Томас, не так ли? Уверена, он тебя как следует отругал!

– В этом не было никакой необходимости, – честно призналась Шарлотта. – Я и сама все прекрасно поняла. Ну, ты готова ехать к тетушке Веспасии?

– Конечно. А вот ты не готова. Тебе следует переодеться, сменить это простенькое платьице и надеть что-нибудь более привлекательное.

– Чтобы продолжить глажку?

– Ерунда! Ты едешь со мной. Так будет лучше. День сегодня чудесный, так что прокатимся с удовольствием.

Шарлотта на секунду задумалась о своих домашних обязанностях, но потом уступила искушению.

– Ладно, если ты так хочешь. Мне только нужно несколько минут, чтобы переодеться. Грейси! – И она торопливо вышла из кухни, чтобы найти горничную и попросить ее приготовить чай для детей, когда те вернутся из школы, и почистить овощи для ужина.

Леди Веспасия Камминг-Гульд жила в просторном фешенебельном доме. Дверь им открыла горничная в хрустящем от крахмала платье, в отделанном кружевами чепчике и переднике. Она тут же узнала Шарлотту и Эмили и ввела их в гостиную без обычных предварительных формальностей и увиливаний. Вопрос о том, примет ли леди этих гостей, даже не возникал. Ее милость не только любила их обеих, но еще и пребывала в данный момент в жуткой скуке, утомившись от навязшей в зубах светской болтовни и бесконечных тонкостей этикета.

Веспасия сидела в своей личной гостиной, весьма скромно обставленной в соответствии с нынешними требованиями вкуса и принятых стандартов: никаких тяжелых дубовых столов, никаких чрезмерно мягких диванов, никакой бахромы на занавесях. Все здесь напоминало о более ранней эпохе, о времени, когда родилась сама Веспасия, о великой империи Наполеона Бонапарта до битвы при Ватерлоо; здесь доминировали чистые линии георгианского стиля, строгость и суровость времен той долгой, отчаянной войны за выживание. Один из ее дядьев погиб под командой Нельсона в битве при Трафальгаре. А теперь даже Железный Герцог уже умер, и само имя Веллингтона стало достоянием лишь книг по истории. Даже те, кто воевал в Крыму через сорок лет после него, тоже состарились.

Веспасия сидела очень прямо в чиппендейловском кресле с жесткой спинкой. На ней было домашнее платье цвета голубиноного крыла с высоким воротом, застегнутым у самого

горла, и чуть отделанное французским кружевом, а четыре нитки жемчуга свешивались почти до талии. Она не стала притворяться, что ей безразличен их приход. Ее улыбка была полна радости.

– Эмили, моя дорогая! Как отлично ты выглядишь! Я так рада, что вы ко мне заехали... Тебе непременно нужно будет рассказать все, что ты там видела, чем наслаждалась. Всякие скучные подробности можешь опустить – несомненно, они точно такие же, как тогда, когда я сама там была, так что нет никакой надобности снова все это слышать и переживать. Шарлотта, тебе придется выслушать все это еще раз, и тогда задашь все соответствующие вопросы. Идите сюда и садитесь.

Они подошли к ней, по очереди поцеловали, после чего заняли места, как она им указала.

– Агата, – велела она горничной, – приготовьте чай. И сэндвичи с огурцом, пожалуйста. И скажите повару, чтобы испек свежих пшеничных лепешек с... ну, скажем, с малиновым джемом. И, конечно, со сливками.

– Да, миледи, – послушно кивнула Агата.

– Подайте через полтора часа, – добавила Веспасия. – Нам многое предстоит выслушать.

Задержатся ли они столь надолго, обсуждению не подлежало, пусть даже сюда явится еще какой-нибудь случайный визитер. Леди Веспасии сейчас нет дома – ни для кого.

– Можешь начинать, – сказала Веспасия, и ее глаза ярко заблестели в предвкушении интересного рассказа.

Почти два часа спустя чайный столик был снова пуст и чист, а Эмили уже не в силах была придумать, что еще рассказать или добавить к уже сказанному.

– А теперь что ты собираешься делать? – с большим интересом осведомилась Веспасия.

Эмили опустила глаза в пол, на ковер.

– Не знаю. Полагаю, я могла бы заняться какой-нибудь благотворительной работой. Например, патронировать наш местный комитет помощи падшим женщинам...

– Сомневаюсь, – сухо сказала Шарлотта. – Ты уже больше не леди Эшворд. Тебе придется стать там рядовым членом.

Эмили состроила недовольную гримаску.

– Не имею намерения им становиться! Не имею ничего против заботы о падших женщинах, но эти члены комитета, которых я не выношу... Мне нужно хорошее, нужное дело, что-нибудь получше, чем с важным видом вещать о положении других. А ты так и не ответила мне, когда я спросила тебя, чем Томас занимается в данный момент.

– И в самом деле. – Веспасия с надеждой повернулась к Шарлотте. – Чем он занят? Надеюсь, он не в Уайтчепеле? Газеты нынче очень критически пишут о работе полиции. В прошлом году они громко хвалили ее, а всю вину сваливали на эти толпы на Трафальгарской площади, что начали беспорядки, почти мятеж. А теперь мяч уже на другой половине поля, и они требуют отставки министра, сэра Чарлза Уоррена.

Эмили вздрогнула.

– Мне кажется, они просто напуганы. Я бы и сама испугалась, если бы жила в подобном районе. Они критикуют всех – даже королеву. Все говорят, что она слишком редко появляется на людях, а принц Уэльский слишком легкомыслен и слишком много тратит. И, конечно, что герцог Кларенс¹⁰ ведет себя как осел, но если его отец проживет так же долго, как королева, бедный Кларенс кончит жизнь в инвалидной коляске, так и не увидев трона.

---

¹⁰ Герцог Кларенс (1864–1892) – Альберт, старший сын принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII, внук королевы Виктории. Родился умственно отсталым.

– Это недостаточно удовлетворительная отговорка. – Губы Веспасии сложились в самую тонкую улыбку, потом она снова повернулась к Шарлотте. – Ты так и не сказала нам, занимается ли Томас этим уайтчепелским делом.

– Нет. Он в Хайгейте, но об этом деле я почти ничего не знаю, – призналась Шарлотта. – И вообще расследование только что начато...

– Самое лучшее местечко, с которым нам сейчас же надо познакомиться, – с вернувшимся энтузиазмом провозгласила Эмили. – Так что там случилось?

Шарлотта посмотрела на их лица, полные ожидания, и пожалела, что ей почти нечего им рассказать.

– Там был пожар, – уныло сказала она. – Сгорел дом, в нем погибла женщина. Ее муж был на выезде, на вызове – он врач, – а служебное крыло занялось последним, и всех слуг спасли.

– И это все? – Эмили была явно разочарована.

– Я же сказала, расследование только началось, – извиняющимся тоном произнесла Шарлотта. – Томас явился домой весь пропахший дымом и с засыпанной сажей и пеплом одеждой. Выглядел он совершенно вымотанным и ужасно грустным. Эта женщина собиралась куда-то поехать, но в последний момент отменила поездку.

– Стало быть, это ее муж должен был оставаться дома, – заключила Веспасия. – Полагаю, это был поджог, иначе Томаса не вызвали бы. Так что же, предполагаемой жертвой должен был стать муж? Или же это он устроил поджог?

– Такое впечатление, что жертвой должен был стать именно он, – согласно кивнула Шарлотта. – И даже при самом сильном напряжении воображения я не могу придумать, каким образом в это дело вмешаться. – Тут она улыбнулась. Улыбка была с примесью насмешки над самой собой.

– Кто она такая? – тихо спросила Эмили. – Тебе о ней что-нибудь известно?

– Нет, ничего, разве что люди о ней очень хорошо отзываются. Но так обычно и бывает в отношении умерших. Таких отзывов ожидают, даже требуют ото всех.

– Это всё одни пустые слова, – устало произнесла Веспасия. – И ни Томасу, ни нам они ничего о ней не сообщают. Разве только то, что ее друзья – вполне приличные, светские люди. Как ее звали?

– Клеменси Шоу.

– Клеменси Шоу? – переспросила Веспасия; судя по тону ее голоса, ей было известно это имя. – Звучит, кажется, очень знакомо. Если это та самая женщина, тогда она и впрямь очень хороший человек... была очень хорошим человеком. И ее смерть – настоящая трагедия, и если кто-то не заменит ее, не возьмет на себя ее работу, пострадают очень многие люди.

– Томас ничего не говорил о том, чем она занималась. – Шарлотта теперь и сама очень заинтересовалась. – Возможно, он просто не знает. А что это была за работа?

Эмили придвинулась вперед, жадно ожидая рассказа.

– Возможно, это вовсе не та женщина, – предупредила Веспасия.

– А если та?

– Тогда это именно она начала борьбу за изменение некоторых законов касательно владельцев трущоб, – мрачно ответила Веспасия, и на ее лице отразилась ее собственная неудача в почти невозможной борьбе против имущественных интересов слишком многих влиятельных лиц. – Большинство трущоб, где царит жуткая теснота, а санитарно-гигиенические условия вообще отсутствуют, принадлежит богатым людям, занимающим высокое социальное положение. Если бы это стало достоянием широкой общественности, тогда многое стало бы возможным изменить в лучшую сторону.

– И кто этому мешает? – Эмили, как обычно, подходила к проблеме с практической стороны.

– Не могу дать тебе точный и подробный ответ, – ответила Веспасия. – Но если ты намерена заняться этим всерьез, тогда следует посетить Сомерсета Карлайла, он может все тебе рассказать. – Говоря это, она поднялась.

Шарлотта перехватила взгляд Эмили, в котором блеснул веселый огонек.

– Замечательная идея! – согласилась она с этим предложением.

Эмили колебалась только секунду.

– Но ведь сейчас не совсем подходящее время для каких-либо визитов, тетушка Веспасия, – заметила она.

– Самое неподходящее, – согласилась с нею Веспасия. – И именно поэтому все пройдет просто отлично. Мы вряд ли застанем там кого-то лишнего. – И, прекратив обсуждение, позвонила горничной, чтобы та вызвала экипаж Эмили, в котором они могли бы поехать все вместе.

Шарлотта секунду колебалась: она была недостаточно хорошо одета, чтобы ехать с визитом к члену парламента. Обычно в прошлом для чего-то столь приближающегося к официальному протокольному визиту она брала займы парадное платье у Эмили или даже у самой Веспасии, и платье соответствующим образом подгонялось ей по фигуре с помощью стратегически закрепленных там и сям булавок. Но она уже несколько лет была хорошо знакома с Сомерсетом Карлайлом и всегда встречалась с ним в связи с некоторыми весьма важными делами, когда им было не до светских тонкостей и они занимались только самой проблемой. В любом случае ни Эмили, ни Веспасия не обратили ни малейшего внимания на ее слабые протесты; к тому же если она не поедет с ними, то останется в полном неведении, а Шарлотта скорее была готова ехать в кухонном переднике, только бы не оставаться в стороне.

Сомерсет Карлайл был у себя дома, сидя в кабинете и работая над каким-то важным политическим документом, и любому другому, не такой важной персоне, как Веспасия, его лакей отказал бы в приеме, но только не ей. Однако лакей этот имел представление о том, какие бывают в жизни драматические моменты, и мог их оценить, а также помнил о прошлых крестовых походах своего хозяина в защиту той или иной идеи, а также отлично знал, что леди Веспасия Камминг-Гульд нередко оказывалась тем или иным образом вовлечена в эту его борьбу; она и в самом деле была для него надежным и полезным союзником, и мистер Карлайл испытывал к ней огромное уважение.

И вот, в полном соответствии с этой диспозицией, лакей проводил всех трех леди до двери в кабинет, постучался, прежде чем ее открыть, и объявил об их приезде.

Сомерсет Карлайл был уже немолод, но и человеком среднего возраста его трудно было назвать; вполне возможно, он никогда таковым не станет, но трансформируется напрямую из того, кем является сейчас, в старика, жилистого, несмягчившегося, непреклонного. Он был переполнен нервной энергией; его брови взлет и подвижное, как ртуть, лицо, казалось, никогда не пребывали в полном покое.

Кабинет Карлайла отражал его сущность. Он был полон книг по любым предметам и вопросам, они служили ему и для работы, и для удовлетворения разнообразных личных интересов. Немногочисленные оставшиеся свободными места на стенах были забиты картинами и антикварными вещицами, красивыми и, видимо, немалой ценности. Сквозь огромные окна в георгианском стиле в кабинет поступало много света, а для зимних вечеров и вообще для работы в темное время здесь имелось несколько газовых рожков, как на стенах, так и свисавших с потолка. В самом лучшем кресле перед камином спал, раскинувшись в позе полного экстаза, длиннолапый рыжий кот. Письменный стол был завален бумагами, перемешанными в неммыслимом беспорядке.

Сомерсет Карлайл положил ручку на подставку и с видимым удовольствием поднялся, чтобы приветствовать их, обошел вокруг стола, сбросив при этом пачку писем и совершенно не обратив внимания на то, как они рассыпались по полу. Кот даже не пошевелился.

Он взял протянутую Веспасией руку, затянутую в безукоризненную перчатку.

– Леди Камминг-Гульд. Как я рад вас видеть! – Он встретил ее взгляд, и в его глазах блеснула искра юмора. – Несомненно, вы столкнулись с некоей чудовищной несправедливостью, с которой следует немедленно сразиться, иначе не приехали бы без предупреждения. Леди Эшворд, миссис Питт, я уже понял, случилось что-то серьезное...

Карлайл огляделся по сторонам, ища удобное место, чтобы предложить им присесть, но не нашел. Тогда он аккуратно снял кота с кресла перед камином и положил его на сиденье собственного кресла за письменным столом. Тот с удовольствием потянулся и расположился поудобнее.

Веспасия села в кресло, а Шарлотта и Эмили – на прямые стулья напротив. Сомерсет остался стоять. Никто не озаботился поправить его, сказать, что Эмили теперь не леди Эшворд, а просто миссис Джек Рэдди. Будет еще время это исправить.

Веспасия тут же перешла к делу.

– При пожаре погибла одна женщина, и пожар не был случайным. Нам немного известно помимо этого, разве только то, что ее звали Клеменси Шоу... – Леди Камминг-Гульд замолчала, увидев выражение боли на лице Карлайла, лишь только она произнесла это имя. – Вы знали ее?

– Да, только в основном понаслышке, – ответил он, понизив голос и обшаривая глазами их лица и отмечая на них удивленное и напряженное выражение. – Я лишь дважды встречался с нею лично. Это была тихая и спокойная женщина, все еще не совсем уверенная в том, как лучше добиться того, к чему она стремилась, и непривычная к тонкостям сражений на поле гражданского права, но она была решительно предана своему делу и честна, что меня в ней особенно восхищало. Я думаю, она выступала за реформы, которых желала добиться больше, чем заботиться о собственном достоинстве или потакать мнениям своих друзей и знакомых. Я воистину горько сожалею, что она погибла. Вы знаете, как это случилось? – Последний вопрос был адресован Шарлотте. Карлайл уже много лет знал Питта – по сути дела, с тех самых пор, когда сам оказался связан с делом о жутком убийстве.

– Это был поджог, – ответила она. – Миссис Шоу была дома, потому что поездка в город была неожиданно отменена, а ее муж был на срочном вызове. В противном случае погиб бы именно он, а не она.

– Стало быть, ее смерть была случайной. – Это был почти вопрос, но не совсем.

– Кто-то мог наблюдать за домом. – Шарлотта не хотела сразу же оставить эту версию. – А за что она выступала, за что боролась? За какие реформы? И кто бы мог желать, чтобы она не преуспела?

Карлайл горько улыбнулся.

– Практически все, кто вложил деньги в приобретение трущоб и имел возможность грести огромные доходы, сдавая по одной комнате на семью, а иной раз даже на две или три семьи. – Он скривился. – Или сдавал помещения под мастерские с потогонной системой труда, пивнушки, бордели, даже опиекурильни. Очень доходное дело. Вы очень удивились бы, узнав, какие люди делают таким образом огромные деньги.

– И чем же миссис Шоу им угрожала? – спросила Веспасия. – Чего именно она добивалась и какие меры предпринимала в этой связи? Или, возможно, следовало бы спросить, какие реальные цели она преследовала?

– Она хотела таким образом изменить закон, чтобы имена владельцев подобных заведений нетрудно было бы узнать, чтобы они не скрывались за разными компаниями или адвокатами, оставаясь в буквальном смысле анонимными.

– А разве не лучше было бы подготовить какой-нибудь закон касательно норм расселения и санитарии? – рассудительно осведомилась Эмили.

Карлайл рассмеялся.

– Если ограничить число проживающих в одной комнате, то количество людей на улице увеличится еще больше. И как полиция будет потом с этим справляться?

– Ох!..

– И вам ни за что не провести в парламенте закон о нормах санитарии. – Тон его голоса стал жестче. – Люди во власти склонны полагать, что бедные имеют те санитарно-гигиенические условия, которых заслуживают, и если дать им что-то получше, то через месяц они доведут все это до прежнего состояния. Им гораздо проще наслаждаться собственными удобствами и роскошью, не испытывая никаких угрызений совести. Но даже при всем при этом подобное начинание потребовало бы миллионы фунтов...

– Но каждый отдельный владелец... – начала спорить Эмили. – У них же имеются миллионы. По крайней мере, с течением времени...

– Такой закон никогда не пройдет через парламент. – Карлайл улыбнулся при этих словах, но в глазах его стоял гнев, а руки сжались в кулаки. – Вы забываете, кто там голосует.

Эмили снова ничего не сказала. В стране действуют всего две политические партии, имеющие возможность формировать правительство, и ни одна из них не станет просто так поддерживать подобный закон; женщины не имеют права голоса, бедные плохо организованы и по большей части неграмотны. Все понятно и без лишних слов.

Карлайл чуть кашлянул, и это прозвучало почти как смешок.

– Вот поэтому миссис Шоу и пыталась создать такие возможности, чтобы имена владельцев подобных заведений было нетрудно выяснить. Если бы они стали достоянием широкой публики, общественное мнение оказалось бы гораздо сильнее, нежели любой закон.

– Но разве общественное мнение создают не те же самые люди, что голосуют? – спросила Шарлотта.

Однако, уже говоря это, она осознала, что дело обстоит совсем не так. Женщины в голосовании не участвовали, а большая часть общества, как бы это ни было незаметно, тем или иным образом управлялась именно женщинами. Мужчины могли делать все, что угодно, если умели сохранить это в тайне, даже предаваться порокам, о которых никогда не стали бы сообщать друзьям. Но на публике и в спокойствии своего домашнего очага они всегда будут осуждать подобные оскорбления общественной морали, самой сути цивилизованного общества.

Карлайл заметил по ее лицу, что она уже все поняла, и не стал пускаться в дальнейшие разъяснения.

– Как близко к сердцу миссис Шоу принимала эти проблемы! – тихо сказала Веспасия. – Наверное, она нажила себе немало врагов?

– Да, были такие... опасения, – согласился Сомерсет. – Но я не думаю, что она успела добиться каких-то реальных успехов, чтобы вызвать чье-то беспокойство.

– А могла бы, если б осталась в живых? – спросила Шарлотта очень напряженным и серьезным тоном.

Она вдруг обнаружила, что очень сожалеет о смерти Клеменси Шоу, и не только обычной жалостью постороннего человека по поводу любой смерти, но и потому, что никогда с нею не встречалась, а чем больше о ней узнавала, тем сильнее подозревала, что миссис Шоу ей очень понравилась бы.

Карлайл задумался на минутку, прежде чем ответить. Для пустых комплиментов момент был малоподходящий. Он достаточно хорошо разбирался в политической жизни и знал, что такое власть финансовых интересов, да и сам не раз соприкасался с убийствами на этой почве, так что не исключал такой возможности, что Клеменси Шоу уничтожили с

помощью поджога, чтобы не дать ей продолжать этот ее крестовый поход за справедливостью, каким бы невероятным ни казалось то, что ей удастся изменить закон или воздействовать на общественное мнение.

Шарлотта, Эмили и Веспасия молча ждали.

– Да, – наконец сказал он. – Это была выдающаяся женщина. Она страстно верила в правоту того дела, которым занималась, а подобная честность и прямота нередко подвигают людей на свершения, недоступные при обычных логических поступках. Никакого лицемерия, никакого ханжества в ней не было, никакого... – Карлайл чуть нахмурился, ища подходящее слово, чтобы передать то впечатление, которое на него произвела эта женщина, с которой он встречался и беседовал всего два раза и которая тем не менее оставила в его душе неизгладимый след. – Она ничего не хотела для себя, но всем сердцем стремилась облегчить участь людей, мучающихся в грязных и переполненных жилищах.

Он заметил, как поморщилась Веспасия, и понял, что это скорее жалость, нежели отвращение.

– Миссис Шоу ненавидела трущобы и их хозяев; она их так презирала, что это могло бы заставить вас чувствовать вину за то, что вы имеете крышу над головой. – Сомерсет неуклюже улыбнулся; улыбка выглядела совершенно очаровательно на его скривившемся лице. – Мне очень жаль, что она погибла. Такое горе! – Он обернулся к Шарлотте: – Как я понимаю, Томас расследует это дело, именно поэтому вам о нем известно?

– Да.

– И вы намерены вмешаться? Влезть в это дело? – Последнее замечание было адресовано всем трем женщинам.

Веспасия недовольно засопела – ей не слишком понравился его выбор слов, – но не стала возражать против сути.

– Вы могли бы выразиться более удачно, – заметила она, чуть приподняв плечи.

– Да, намерены, – прямо ответила ему Эмили. В отличие от Клеменси Шоу она пока еще только искала себе достойное занятие, но это вовсе не означало, что она не может заниматься таким делом хорошо, с полной самоотдачей. – Правда, я пока что не знаю, с чего начать.

– Хорошо. – У Карлайла не оставалось никаких сомнений. – Если я могу чем-то помочь, пожалуйста, обращайтесь. Я всегда восхищался Клеменси Шоу. И намерен добиваться, чтобы тот, кто ее убил, гнил заживо на каторге – в каменоломнях или в подобных им местах.

– Его повесят, – резко бросила Веспасия. Она знала, что Карлайл не одобряет смертную казнь через повешение: это было, как он считал, слишком бесчеловечное наказание, к тому же при этом допускалось слишком много ошибок. Она и сама так считала, но оставалась при этом реалисткой.

Он спокойно взглянул на нее, но ничего не ответил. Этот вопрос не раз обсуждался и прежде, и им обоим было отлично известно мнение каждого. В основе такого взаимопонимания лежал огромный опыт, другие подобные трагедии, ошибки и понимание того, что такое боль. Преступление – это редко единичный акт или вина одного человека.

– Это отнюдь не причина не заниматься расследованием, – Шарлотта поднялась на ноги. – Как только я узнаю что-то еще, сразу сообщу вам.

– Будьте осторожны, – предупредил Карлайл, идя впереди нее к двери и открывая ее перед нею.

Они вышли из кабинета – впереди Веспасия, высоко подняв голову и очень прямо держа спину, затем Эмили, сразу за нею, и последней, Шарлотта. Когда она проходила мимо Сомерсета, он положил ей руку на локоть.

– Вы намерены нарушить планы очень могущественных людей, которые слишком много поставили на карту. Если это они убили Клеменси, то не пощадят и вас.

– Я буду действовать очень осторожно, – убежденно сказала Шарлотта, хотя пока что не имела понятия, какие ее действия могли бы оказаться хоть чуточку полезными. – Пока что я буду просто собирать информацию.

Карлайл посмотрел на нее скептическим взглядом, поскольку не раз в прошлом сам был свидетелем ее вмешательств в подобные дела. Однако он не стал более ее задерживать и проводил их до дверей, а потом – на залитую солнцем улицу, где ждала карета Эмили.

Миссис Рэдли заговорила сразу же, как только лошади тронулись с места.

– Я разужнаю все, что можно узнать, про миссис Шоу и ее борьбу за принятие новых законов, чтобы выявить имена тех, кто владеет этими заброшенными и разваливающимися домами. Уверена, если хорошо подумать, то наверняка можно будет отыскать таких знакомых, кто был бы в курсе подобных дел.

– Вы же новобрачная, – мягко заметила Веспасия. – И у вашего мужа, вероятно, совсем другие намерения на предмет первых недель дома после медового месяца.

– Ах! – Эмили легко вздохнула, но это была лишь мимолетная задержка в полете ее мыслей. – Да ну, мы это как-нибудь обойдем... Я справлюсь. Шарлотта, ты лучше никому про это ничего не говори, но постарайся все разузнать у Томаса. Нам нужно знать все факты.

Сестры не стали задерживаться у дома Веспасии, а распрощались с ней, лишь посмотрев, как она легко поднимается по ступеням к парадной двери, которую перед нею тут же распахнула горничная. Леди Камминг-Гульд прошла внутрь, рассеянно поблагодарив, все еще погруженная в размышления. За долгие годы вдовства она не раз выступала против разных социальных зол – и наслаждалась этими сражениями, и была готова идти на риск. Что же до всех остальных, ее не слишком сильно заботило их мнение, если сама она считала, что борется за правое дело. Правда, это не означало, что ее не волновала потеря друзей или их негативное отношение к ее действиям.

Но сейчас ее мысли занимала Эмили. Та была гораздо более уязвима, и дело было не только в чувствах ее молодого мужа, который вполне мог ожидать от нее более светского, более чинного и благопристойного поведения, но также и подчинения капризам общества, которое любило новшества в моде, нечто, чем можно было любоваться и восхищаться, о чем шептаться, – но ненавидело все, что угрожало разрушить установившийся порядок и повредить стабильности исключительно комфортабельной и привычной жизни его членов.

Шарлотта рассталась с Эмили у своей двери, быстро обняв ее, поднялась по чисто выметенным ступеням и вошла в холл, успев услышать за спиной стук колес отъезжающего экипажа. В доме было чисто и тепло; доносившиеся с улицы звуки были едва слышны, здесь царила почти полная тишина. С минуту Шарлотта стояла неподвижно. Ей было слышно, как Грейси шинкует что-то на кухне и тихонько напевает себе под нос. Здесь она чувствовала себя в полнейшей безопасности. Ее вдруг охватило ощущение глубокой благодарности. Это было ее – все, целиком и полностью. Ей не нужно было с кем-то все это делить, кроме собственной семьи. Никто не станет требовать с нее арендной платы или угрожать выселением. В кухне из крана текла вода, плита топилась, а в гостиной и в спальнях горели дрова в каминах. Канализация работала, невидимая и незаметная, сад зеленел травой и пестрел цветами.

Здесь было легко жить и не думать о бесчисленных несчастных людях, у которых не было ни теплого крова, ни чистого, без гнусной вони и грязи, дома, в котором они могли бы пребывать в полной безопасности и достаточной уединенности от окружающего мира.

Клеменси Шоу, должно быть, была весьма необычной женщиной, чтобы озаботиться судьбой людей, живущих в съемных квартирках в трущобах. По сути дела, примечательным являлся даже сам тот факт, что ей было известно об их существовании. Большинство женщин

из хороших семей знали только то, что им говорили, или то, что можно было прочесть в газетах или журналах, считавшихся подходящими для их чтения. Шарлотта и сама не имела об этом ни малейшего представления, пока Томас не познакомил ее с некоторыми острыми проблемами совершенно иного для нее мира, – и вначале она даже возненавидела его за это.

А потом она начала злиться и негодовать. В этом происшествии была какая-то злобная ирония судьбы – то, что Клеменси Шоу убили и при этом сожгли ее дом. И теперь Шарлотта была твердо намерена выяснить, кто это сделал, и предъявить его обществу вместе с его жадностью и прочими гнусными мотивами, что им двигали. Если жизнь Клеменси Шоу не смогла привлечь внимание к этому злу, к мерзости владельцев трущоб, наживающихся на этом грязном деле, значит, Шарлотте следует использовать все средства, чтобы это сделала ее смерть.

Эмили тоже решительно взялась за эту проблему, хотя и по несколько иным причинам и совершенно другим манером. Она влетела в холл своего просторного и чрезвычайно элегантного дома, крутя и шурша многочисленными юбками, сбросила шляпку и привела в порядок волосы, чтобы выглядеть еще более привлекательной – светлые колечки и завитки вились теперь вокруг щек и шеи и придавали ее прелестному личику выражение нежности, чуть приправленной горестью.

Ее молодой муж был уже дома, что она сразу же поняла по присутствию его лакея, который открыл ей дверь. Если бы Джек куда-то уехал, Артур уехал бы вместе с ним.

Эмили толчком распахнула двери в гостиную и совершила абсолютно театральный вход.

Джек сидел у камина, перед ним на низком столике стоял поднос с чайным сервизом. Ноги он положил на табурет. Печенье и сдобные лепешки с подноса уже исчезли, там одиноко лежал лишь кусочек сливочного масла.

Он тепло улыбнулся, заслышав ее шаги, и галантно встал. Потом, увидев выражение ее лица, спросил озабоченно:

- Эмили, в чем дело? Что-то случилось с Шарлоттой? Она заболела? Или Томас...
- Нет-нет, ничего такого.

Она бросилась ему в объятия и прижалась головкой к его плечу, отчасти для того, чтобы он не видел выражения ее глаз. Эмили не была до конца уверена, насколько успешно ей удастся провести мужа. Он был вроде нее самой: своими успехами Джек также был обязан умению очаровывать и своей весьма красивой внешности, и ему были отлично известны все подобные увертки и ухищрения, равно как и способы их применения. И еще потому, что Эмили по-прежнему была в него здорово влюблена, и это было очень уютное, комфортное ощущение. Но все же лучше объясниться, прежде чем он начнет беспокоиться.

– Нет, Шарлотта совершенно здорова. Но вот Томас, он занят расследованием одного дела, которое сильно расстроило сестру. Да и меня, как оказалось, тоже. Женщина погибла при пожаре – смелая и очень добрая женщина, которая выступала за раскрытие и уничтожение всяких социальных зол. Тетушка Веспасия тоже очень расстроена. – Вот теперь можно уже было забыть про увертки и увивания и посмотреть ему прямо в лицо. – Джек, я считаю, что мы должны сделать все возможное, чтобы помочь...

Рэдди нежно погладил ее по волосам, поцеловал, потом, широко раскрыв глаза и уже начав улыбаться, посмотрел ей прямо в лицо.

- Неужели? И как же мы будем это делать?

Эмили быстро сменила тактику. Драматический подход успеха не принесет. Она улыбнулась ему в ответ.

- Я еще не знаю... – Она прикусила губу. – А ты что думаешь?

– Какое именно социальное зло? – осторожно спросил Джек. Он знал Эмили лучше, чем она предполагала.

– Дело во владельцах трущоб, которые взимают непомерную арендную плату за эти грязные и переполненные помещения. Клеменси Шоу хотела заставить их нести ответственность перед обществом и общественным мнением, раскрыть их анонимность, их привычку прятаться за спину сборщиков квартплаты, разных компаний и прочего.

Муж так надолго замолчал, что она даже начала сомневаться, что он ее услышал.

– Джек?

– Да-да, – произнес он наконец. – Да, мы этим займемся – но вместе. Одна ты ничего не добьешься, Эмили. Мы ведь станем угрозой для очень влиятельных и властных людей – речь идет о миллионах фунтов! Ты будешь поражена, когда узнаешь, сколько состояний нажито на бедах и несчastьях тех, кто обитает в этих трущобах в таких районах, как Сент-Джайлз или Девилз-акр.

Эмили улыбнулась, чуть-чуть; мысль об этом была очень неудобной, и перед ее мысленным взором проскользнули лица людей, с которыми она была знакома, пока была замужем за Джорджем. У некоторых людей просто есть деньги; такое положение дел существовало всегда. Но теперь Эмили была уже менее невинной, и понимание этого не доставляло ей никакого удовольствия.

Джек все еще держал ее в своих объятиях. Он нежно провел пальцем по ее лбу, отведя в сторону непослушный локон.

– По-прежнему хочешь этим заняться? – спросил он.

Эмили была поражена, как четко он определил ее настроение, ее мысли и уколы совести, чувство вины и опасения, которые они вызвали.

– Конечно. – Она не двинулась с места; ей было необычайно приятно оставаться в его объятиях. – Пути назад уже нет. Что я скажу тете Веспасии или Шарлотте? И что еще более важно, что я скажу самой себе?

Мужнина улыбка стала совсем широкой, и он нежно поцеловал ее, а потом и более страстно.

Когда Эмили вновь подумала о деньгах, это показалось ей таким далеким от них делом, которым можно будет заняться как-нибудь в другой раз; это, несомненно, важные и реальные дела, но потом, а сейчас есть и другие, более приятные.

Глава 3

Поскольку Питта вызвали с Боу-стрит и он не был сотрудником хайгейтского участка, инспектор доложил о происшествии своему собственному начальнику – человеку, которого уважал за его профессиональные качества и который нравился ему своей прямоотой и отсутствием каких-либо претензий и притворства. Вероятно, поскольку Мика Драммонд был джентльменом по рождению и владел значительными финансовыми средствами, чтобы не заботиться о доходах, он не видел и необходимости как-то утверждать свое положение.

Драммонд радостно приветствовал Питта; на его худом лице горел неподдельный интерес.

– Итак? – спросил он, вставая из-за стола; это был отнюдь не жест вежливости, что было бы просто абсурдно по отношению к подчиненному, даже при том, что он уже предлагал Томасу значительное повышение по службе. Питт тогда отказался, поскольку, хотя и с удовольствием поимел бы дополнительные деньги, все же ненавидел бумажную волокиту за столом, начальствование над другими людьми, указывая им, как вести то или иное расследование. Он хотел работать с живыми людьми, видеть их лица, прислушиваться к переменам в модуляциях голоса, присматриваться к невольным движениям тела и жестам. Именно живые люди были для него источником и радости, и боли, именно они составляли реальный смысл его работы. Если бы Томас сидел, раздавая инструкции и перебирая рапорты на столе, это лишило бы его возможности использовать свой опыт и искусство, которым он отлично владел. Отказ от повышения был решением Шарлотты, равно как и его самого, и решение это было принято, поскольку она достаточно хорошо его знала, чтобы понимать, что принесит ему истинное счастье, и поэтому предпочла такой выбор, а не более высокое жалованье. Это было одно из тех редко обсуждаемых вслух проявлений ее доброты и щедрости, которое еще больше углубило его чувство общности с нею, понимания того, что она готова делить с ним все, а также уверенности, что ее преданность ему по-прежнему проистекает от любви.

Мика Драммонд продолжал с любопытством смотреть на него.

– Поджог, – сказал Питт. – Я осмотрел и исследовал все вещественные улики, какие там только были, так что никаких сомнений больше нет. От тела мало что осталось, чтобы узнать еще что-то полезное, но по тому, что осталось от здания, пожарные заключили, что пожар начался по крайней мере в четырех разных местах и одновременно, так что тот, кто это сделал, был твердо намерен преуспеть.

Драммонд поморщился, и в его глазах появилось недовольное выражение.

– И вы говорите, что это было тело женщины, что они там нашли?

– Кажется, почти никаких сомнений, что это некая миссис Клеменси Шоу.

И Питт пересказал, что им удалось узнать при коротком расследовании и опросе членов местной общины и от полицейских из хайгейтского участка, включая, естественно, опрос всех зевак, собравшихся в небольшую толпу, что появилась при сигналах тревоги и шуме, и стоявших потом, сбившись в кучку подальше от огня, и глазевших на пожар. Может быть, среди сочувствующих и готовых помочь был и тот, кому доставляет удовольствие и у кого вызывает радостный трепет великолепие ревущего пламени, кто с восторгом ощущает его жуткую власть и стремление все пожирать и уничтожать? Поджигатели обычно не остаются на месте преступления, но вот люди с некоторыми психическими отклонениями продолжают стоять и смотреть.

Драммонд уселся обратно на свой стул за столом и жестом указал Питту на самое удобное, обитое кожей кресло напротив. Кабинет у него был отличный, полный света и воздуха, проникающих внутрь сквозь большое окно. Стены уставлены полками с книгами, за исклю-

чением зоны возле камина и письменного стола полированного дуба, в равной степени красивого и функционального.

– А не было ли там намерения убить мужа, а не жену? – Драммонд сразу приступил к сути дела. – И что вообще о нем известно?

Томас откинулся на спинку кресла и скрестил ноги.

– Он врач. Интеллигентный, четко выражает свои мысли; по всей видимости, с открытым умом и широким кругозором, прямой и откровенный. Но у меня не было времени познакомиться с его врачебной деятельностью и репутацией как медика.

– И какие у вас возникли ощущения? – Драммонд посмотрел на него чуть искоса.

– Мне он понравился, – улыбнулся Питт. – Но мне не раз при первом знакомстве нравились люди, совершившие убийство – когда попадали в отчаянное положение, были напуганы или достаточно серьезно ранены. Нам было бы гораздо легче разбираться с людьми, если бы можно было судить по тому, нравится нам человек или не нравится; это помогало бы решить многие вопросы. Но я вот всякий раз меняю свое отношение и осложняю положение тем, что испытываю и положительные, и отрицательные чувства одновременно, хотя и в меняющихся пропорциях, как только на свет появляется новый факт или новое объяснение. Тяжелая это работа. – Тут его улыбка стала еще шире.

Драммонд вздохнул и закатил глаза под лоб, шутливо имитируя раздражение.

– Короче, Питт! Ваше мнение!

– Можно считать, что это прекрасный кандидат в жертвы убийства, – ответил Томас. – Можно привести добрую дюжину причин, по которым могло понадобиться заставить доктора молчать, особенно этого.

– Врачебная тайна? – Драммонд высоко поднял брови. – Но врачи вообще-то всегда владеют какими-то тайнами, верно? Вы полагаете, что ему что-то такое стало случайно известно и он не был связан подобным этическим кодексом? Ну, к примеру...

– Тут имеется много разных возможностей, – пожал плечами инспектор, предлагая наугад. – Заразная болезнь, о которой он был обязан доложить, – чума, желтая лихорадка...

– Вздор, – перебил его Драммонд. – Желтая лихорадка в Хайгейте? Но даже если бы это было так, к нынешнему моменту он уже сообщил бы о ней кому следует. Возможно, заразная болезнь, сифилис, например, хотя это вряд ли. Как насчет сумасшествия? Человека вполне можно убить, чтобы такое не стало достоянием публики или даже стало не известно непосредственно его семье или будущим родственникам, если он планировал удачно жениться. Займитесь этим, Питт.

– Займусь.

Драммонд уже вдохновился этой темой; он откинулся назад, на спинку стула, положил локти на подлокотники и сложил пальцы домиком.

– Может быть, он узнал о каком-нибудь незаконнорожденном ребенке или об аборте. И, коли на то пошло, сам мог сделать аборт!

– Но зачем ждать так долго? – рассудительно заметил Томас. – Если он только что его сделал, пациентка должна была оказаться среди тех, кого он посетил в последние день-два. Зачем это нужно? Если это было незаконно, он с еще меньшей вероятностью стал бы об этом распространяться или как-то регистрировать, да и сама эта женщина не стала бы ничего такого делать. Он при этом потерял бы гораздо больше.

– Тогда как насчет мужа или отца?

Питт покачал головой.

– Вряд ли. Если он не знал об этом заранее, тогда она всеми силами стремилась бы сохранить это от него в тайне. Если он узнал об этом потом или она сама ему об этом сообщила, последнее, что он стал бы предпринимать, так это убивать врача и подвергать себя такой опасности – ведь полиция наверняка занялась бы расследованием всех его дел.

– Да бросьте вы, Питт, – сухо сказал Драммонд. – Сами ведь прекрасно знаете, равно как и я сам, что люди под воздействием столь мощных эмоций так не думают. Иначе половина преступлений под влиянием минутного импульса, порыва, никогда бы не была совершена – даже, возможно, три четверти. Они не думают; они ощущают – всеохватывающую ярость, или ненависть, или страх; или просто настолько запутываются, что страстно желают обрушиться на кого-то, обвинив его в несчастьях, которые с ними случились.

– Ну, хорошо, – согласился с ним Питт, зная, что начальник прав. – Но я все же думаю, что тут могут быть и различные другие мотивы. Шоу – человек страстных убеждений. Я думаю, он вполне мог действовать в соответствии с ними, и черт с ними, с последствиями.

– Он вам действительно понравился, – снова заметил Драммонд с кривой усмешкой, вспомнив при этом кое-что из собственного прошлого.

Это замечание не требовало никакого ответа.

– Ему могло стать известно о каком-то преступлении, – продолжал Томас, следуя собственным мыслям. – О чьей-то смерти, возможно, или о чьей-то болезни в последней стадии, сопровождаемой страшными болями...

– И об убийстве с целью прекратить страдания? – спросил Драммонд с интересом. – Возможно. И тут мне как человеку, который не испытывает к нему подобных симпатий и, вероятно, имеет при этом более независимое мнение, представляется, что он мог стать сообщником при таком убийстве, не имея в виду никакой личной выгоды, а тот, кто это затеял, потом начал нервничать, опасаясь, что его сообщник может проговориться или, что более вероятно – если судить по вашим описаниям доктора Шоу как человека нервного и подверженного страстям, – начнет его шантажировать. Это могло стать превосходной причиной убийства.

Питт предпочел бы сразу же отвергнуть подобное предположение, однако оно было совершенно логичным, так что было бы неумно тут же от него отказываться.

Драммонд с интересом наблюдал за ним.

– Что ж, и такое возможно, – согласился с ним Томас и тотчас заметил слабую улыбку, искривившую губы шефа. – Но информация, которую он получил просто благодаря своим профессиональным занятиям, по-моему, более вероятный мотив.

– А как насчет чисто личных мотивов? – спросил Драммонд. – Ревность, жадность, месть? Не могла ли там быть замешана еще какая-то женщина или другой мужчина, завязавший роман с его женой? Вы же сами сказали, что он должен был оставаться дома, а она намеревалась уехать.

– Да. – Мысли Питта были заняты множеством самых разнообразных возможностей, и самыми мрачными были мысли об Уорлингэмах с их деньгами и воспоминания о прелестном личике Флоры Латгеруорт, чей папаша был недоволен ее частыми приватными визитами к доктору Шоу.

– Вам придется собрать гораздо больше информации. – Драммонд встал и подошел к окну, засунув руки в карманы, потом повернулся лицом к инспектору. – Возможных причин множество – либо для убийства жены, которое произошло, либо для убийства Шоу, попытка совершить которое вполне могла иметь место. Это может оказаться очень длительная и очень печальная работа. Одному богу известно, сколько еще грехов и трагедий вы обнаружите – или попыток их спрятать. Именно это я больше всего ненавижу в наших расследованиях – все эти жизни, которые мы безжалостно переезжаем и коверкаем по пути. – Он еще глубже засунул руки в карманы. – С чего вы собираетесь начать?

– С хайгейтского полицейского участка, – ответил Томас, также поднимаясь на ноги. – Шоу служил еще и местным полицейским хирургом...

– Вы об этом не упомянули.

Питт широко улыбнулся:

– Лишняя информация может только запутать и усугубить подозрения, не так ли?

– Допустим, – снисходительно согласился Драммонд. – Только не слишком увлекайтесь этим. А затем?

– Затем отправлюсь в местную больницу, поговорю с его коллегами, посмотрю, узнаю, что они там о нем думают.

– Многие вы там не узнаете, – пожал плечами Драммонд. – Они обычно хорошо отзываются друг о друге вне зависимости от обстоятельств. Подразумевая, что любой из них может совершить ошибку, и тогда они тесно смыкают ряды, как солдаты перед лицом врага.

– Всегда можно что-то прочесть между строк. – Томас понимал, что Драммонд имел в виду, но ведь всегда можно заметить неудачный словесный оборот, уклончивость, чрезмерную откровенность и вроде как беспристрастность, что может выдать все эмоции и стремления, скрытые под этим, противоречивые суждения или старинную вражду. – Потом переговорю с его слугами. У них могут оказаться какие-нибудь прямые свидетельства, хотя на это не следует слишком уж рассчитывать. Но они могли также что-то видеть или слышать, что поможет нам выявить ложь, несоответствие, что-то тщательно скрываемое, кого-то, кого они ни в коем случае не должны были видеть.

Говоря это, он припомнил все слабые места в показаниях, которые ему когда-либо удавалось выявить, все глупости и мелкие злобные наветы, которые имели мало или вообще ничего общего с преступлением, но которые тем не менее разрушали прежние отношения между людьми, способствовали возникновению новых, наносили кому-то ущерб, ставили кого-то в затруднительное положение, изменяли чью-то жизнь. Были случаи, когда он всей душой ненавидел подобные вторжения в чужую жизнь. Но альтернатива была еще хуже.

– Держите меня в курсе дела, Питт. – Шеф продолжал смотреть на него, возможно догадываясь, о чем он думает. – Я хочу знать все.

– Хорошо, сэр. Постараюсь.

Драммонд улыбнулся при этом необычном проявлении официальности, потом кивнул, отпуская Томаса. Тот вышел из кабинета, спустился вниз, выбрался на тротуар Боу-стрит, поймал кеб и поехал на север, в Хайгейт. Это было экстравагантным поступком, но полиция оплатит и этот расход. Питт откинулся на спинку сиденья кеба и вытянул ноги, насколько это было возможно. Приятное ощущение – ехать куда-то в наемном экипаже, не думая о стоимости такой поездки.

Кеб вез его через путаницу улиц, все более удаляясь от реки, через Верхний Холборн до Грейз-Инн-роуд, потом далее на север через Блумсбери и Кентиш-таун до самого Хайгейта.

В полицейском участке Питт обнаружил Мёрдо, который нетерпеливо его дожидался, уже успев просмотреть все рапорты полицейских за последние два года и отложив те, в которых фигурировал Шоу. Теперь же он стоял в центре комнаты, в которой не было ковра, а мебель составляли лишь деревянный стол и три жестких стула с прямыми спинками. Его светлые волосы были взъерошены, мундир расстегнут у горла. Он очень старался получше выполнить полученное задание, и, по правде сказать, это дело его глубоко затронуло, но в глубине сознания он отдавал себе отчет в том, что когда все будет закончено, Питт вернется на Боу-стрит – а сам он останется здесь, в Хайгейте, и снова будет работать вместе со своими местными коллегами, которые по-прежнему косо посматривали на чужака и страдали от недовольствия, что подобное было сочтено необходимым.

– Вот они все, сэр, – сказал констебль, как только Питт появился в дверях. – Все дела, с которыми он был хоть как-то связан, все, что может как-нибудь пригодиться, даже дела о нарушении общественного порядка. – Он указал пальцем на одну из стопок. – Это вон те. Несколько случаев разбитых носов, сломанное ребро, один случай со сломанной ногой, когда ее переехало колесом кареты, а еще о последовавшей за этим драке между мужчиной,

которому повредило ногу, и кучером. Не вижу я тут никого, кто хотел бы его убить, разве что какой-нибудь псих.

– Я тоже не вижу, – согласился с ним Питт. – И не думаю, что мы имеем дело с психом или безумцем. Поджог был слишком хорошо осуществлен: преступник запалил четыре портьеры, и все подальше от крыла, где живут слуги; в окна никто не выглядывал – и лакей, и горничные уже спали; все комнаты, которые обычно запирались после того, как хозяин и хозяйка ушли спать, оставались открытыми, двери в коридоры и на лестничные площадки тоже заперты не были, никто из слуг их не проверял, горничная никому не подавала вечернюю чашку чая в постель... Нет, Мёрдо, думаю, что наш поджигатель с керосином и спичками был в здравом уме.

Констебль передернулся, и от лица у него немного отлила кровь.

– Жуткое дело, мистер Питт. У кого-то, видать, сильная ненависть возникла.

– И я сомневаюсь, что мы найдем его в этой стопке. – Томас поднял несколько папок с делами, которые Мёрдо отобрал для него. – Если это только не чья-то смерть, обстоятельства которой могли показаться доктору странными. Кстати, вы уже успели выяснить, от чего умер покойный Теофилиус Уорлингэм?

– О да, сэр. – Мёрдо снова напустил на лицо старательное выражение. Очевидно, это задание он выполнил очень хорошо и теперь ждал момента, чтобы доложить о своих успехах.

Инспектор в ожидании чуть приподнял брови. Констебль начал отчитываться, а Питт уселся за стол и скрестил ноги.

– Очень внезапно он умер, – начал Мёрдо, по-прежнему стоя и сгорбившись, чуть драматизируя момент и свою сосредоточенность. – Он всегда был человеком очень энергичным и физически сильным. И отличного здоровья. Таким, мне кажется, какого можно назвать «мощным христианином»... – Он чуть покраснел от этой своей смелости, от использования такого выражения в отношении вышестоящего, а также потому, что это было выражение, которое он прежде слышал всего два раза. – Он очень гордился своей активностью и бодростью, – добавил полицейский в качестве пояснения, словно ему внезапно пришло в голову, что Питт это выражение, возможно, никогда не слышал.

Томас кивнул, стараясь скрыть улыбку.

Мёрдо чуть расслабился и продолжил:

– Он внезапно заболел, и сперва все подумали, что это просто легкая простуда. Никто не стал особо беспокоиться, хотя, по-видимому, сам мистер Уорлингэм был очень недоволен и раздражен тем, что так ослаб. Его посетил доктор Шоу и прописал ему ароматические масла для вдыхания, чтобы уменьшить застой в крови, и более легкую диету, что ему не понравилось, а также велел соблюдать постельный режим – и бросить курить сигары, что его также очень рассердило. Мистер Уорлингэм никак не комментировал прописанные ему горчичники, – тут Мёрдо скривился и помотал головой. – Моя мамаша тоже всегда нас ими потчевала. Как бы то ни было, лучше больному не стало, но Шоу у него больше не появлялся. И через три дня его дочь Клеменси – та, которая погибла при пожаре, – посетила его и обнаружила мертвым, лежащим в кабинете на первом этаже. Французские окна кабинета были распахнуты. Он лежал, раскинувшись на ковре, и, по словам бобби¹¹, которого туда вызвали, на лице у него было ужасное выражение.

– А почему вызвали полицию? – спросил Томас. В конце концов, это была, по всей видимости, обычная внутрисемейная трагедия. Смерть вообще явление нередкое.

Мёрдо не требовалось заглядывать в свои записи.

– О, да все из-за этого ужасного выражения его лица. И французские окна были открыты настежь, а в доме было довольно много денег, даже у него в руке были зажаты

---

¹¹ Бобби – прозвище английского полицейского, особенно лондонского.

казначейские билеты на двадцать фунтов стерлингов, да так, что никто не мог разжать его пальцы! – Лицо Мёрдо даже порозовело от возбуждения.

– Как интересно! – похвалил его Питт. – И это Клеменси Шоу его обнаружила?

– Да, сэр!

– Кто-нибудь заметил, что из дома пропали какие-нибудь деньги?

– Нет, сэр, и это самое странное. А он снял со счета в банке семь тысяч четыреста восемьдесят три фунта. – Лицо Мёрдо снова побледнело и чуть сморщилось при мысли о таком богатстве. За такие деньги констебль мог бы купить себе дом, в котором можно было бы жить в полном комфорте до самой старости, даже если он больше не заработает ни единого пенни. – И все деньги были на месте! В казначейских билетах, связанные в пачки, лежали в ящике письменного стола, который даже не был заперт. Это требует объяснений, сэр.

– И в самом деле требует, – с чувством произнес Питт. – Можно лишь предположить, что он намеревался совершить очень крупную покупку и расплатиться наличными. Или заплатить долг очень значительного размера, чего ему не хотелось делать обычным порядком, с помощью чека. А вот почему – не имею понятия.

– Как вы полагаете, сэр, его дочь знала про это? Я имею в виду миссис Шоу.

– Возможно, – предположил Питт. – Но разве Теофилиус умер не два года назад?

Победное выражение исчезло с лица Мёрдо.

– Да, сэр, два года и три месяца назад.

– Какая причина была указана в свидетельстве о смерти?

– Апоплексический удар, сэр.

– И кто его подписал?

– Не Шоу. – Мёрдо чуть качнул головой. – Он, естественно, появился там первым, поскольку Теофилиус был его свекром и это его жена нашла его мертвым. Но именно по этой же причине он вызвал какого-то другого врача, чтобы тот подтвердил его диагноз и подписал свидетельство.

– Весьма предусмотрительно с его стороны, – сухо заметил Питт. – Наследство, я думаю, было немаленьким. Куча денег. Снятая со счета сумма была всего лишь малой частью его состояния. Это еще один момент, которым вам, вероятно, нужно будет заняться, то есть точным списком наследников и тем, как было между ними распределено состояние Уорлинг-эма.

– Хорошо, сэр. Я немедленно этим займусь.

Томас поднял руку:

– А как насчет других дел, с которыми был связан Шоу? Вам что-нибудь известно о них?

– Было только три, в которых он был как-то замешан, но ни одно из них не выходит за рамки обычного. Одно было по поводу ссоры между мистером Фримантлом, который слегка перебрал на рождественском обеде у мэра, и мистером Типлейди, которого тот столкнул с лестницы в пабе «Красный лев». – Он старался сохранять на лице уважительное выражение, но это ему не удалось.

– Ага... – Питт удовлетворенно выдохнул. – И Шоу вызвали, чтобы он занялся полученными повреждениями?

– Да, сэр. Мистер Фримантл и сам свалился, так что ему потребовалась помощь, чтоб добраться домой. Я так думаю, что если б он был менее важной персоной, его бы посадили на ночь в камеру, чтоб немного остыл. У мистера Типлейди оказалось несколько царапин и глубокая рана на лбу. Он там все кровью залил, и все здорово перепугались. И выглядел он скверно, был весь белый, как привидение, точно-точно. Но от этого быстренько протрезвел, скорее, чем если бы на него вылили ведро холодной воды! – Губы констебля скривились в

неописуемо довольную улыбку, глаза заблестели. Потом он вспомнил дальнейшее, и этот блеск сразу погас. – Был в самом поганом настроении на следующее утро. Явился сюда, кричал без конца, обвинял доктора Шоу в том, что у него жутко болит голова, заявил, что его плохо и неправильно лечили, но, как я думаю, он просто был в ярости, потому что все видели, как он показал себя полным дураком прямо на глазах у всех. Доктор Шоу сказал ему, чтоб он в следующий раз посильнее разбавлял виски водой, а сейчас чтобы шел домой и проспался.

Питт не стал углубляться дальше в это дело. Никто не станет убивать врача, даже если доктор простыми словами описывает его собственное мерзкое поведение и устроенный им дебош, а также его последствия.

– А другие дела?

– Дело мистера Паркинсона. Мистер Обедая Паркинсон был однажды вечером ограблен на Суон-лейн. Это рядом с кладбищем, – добавил он на тот случай, если Питт не знал. – Его довольно сильно ударили по голове, и бобби вызвал доктора Шоу, но там ничего серьезного не было. Доктор его хорошенько осмотрел, сказал, что это сотрясение мозга, и отвез его домой в своей двуколке. Мистер Паркинсон был ему очень признателен.

Питт отложил эти две папки в сторону и взял третью.

– Смерть мальчика в семье Эрмитедж, – сказал Мёрдо. – Весьма печальный случай, да-да. Ломовая лошадь испугалась чего-то и понесла. И этот мальчишка, Альберт, погиб на месте. Очень печальная история. Хороший был парнишка, ему и четырнадцати не исполнилось.

Томас поблагодарил его и послал разузнавать подробности о наследстве Уорлингэма, а сам принялся читать остальные дела, оставшиеся на столе. Все это были похожие друг на друга дела – некоторые трагические, другие с элементами фарса, случаи напыщенного самомнения и выпендрежа, выставленные на всеобщее обозрение по причине плотских слабостей. Возможно, за всеми этими рапортами о телесных повреждениях и переломанных костях стояли какие-то семейные трагедии; возможно было также, что некоторые результаты вскрытия, зафиксированные как пневмония или сердечный приступ, скрывали более мрачные причины смерти, даже акты насилия; но в документах, лежащих сейчас перед ним, не было ничего, что могло бы на это указывать. Даже если Шоу заметил что-то, то никак не отразил это в своих официальных отчетах. Всего там было семь рапортов о смерти, но даже при втором и третьем их прочтении Питт ни в одном из них не обнаружил ничего подозрительного.

В конце концов он оставил это занятие и, предупредив дежурного сержанта, вышел на уже начинающую быстро холодеть послеполуденную улицу и направился к лазарету Святого Панкраса, бросив быстрый взгляд на стоявшее на противоположной стороне улицы здание оспенной лечебницы, после чего поднялся на крыльцо перед главным входом лазарета. Он уже вошел внутрь, когда вспомнил о необходимости привести в порядок свой костюм, одернул пиджак и почистил носки сапог о заднюю часть брючин и переложил половину мотков веревки, кусочек воска, мелкие монеты, сложенные листочки бумаги и шелковый платок, подаренный Эмили, из одного кармана в другой, чтобы хоть как-то уравновесить выпирающие наружу бугры. Пальцы задержались на мягкой и тонкой текстуре изящного платочка, но лишь на секунду дольше, чем следовало. Потом Томас поправил галстук, пристроив его поближе к середине груди, и провел ладонью по волосам, приведя их в еще больший беспорядок. После чего прошествовал к кабинету управляющего и резко постучал в дверь.

Дверь открыл молодой человек со светлыми волосами и узким озабоченным лицом.

– Да? – спросил он, уставившись на Питта.

Томас достал свою карточку – экстравагантный жест, который всегда доставлял ему некоторое удовольствие.

– Инспектор Томас Питт, полицейский участок на Боу-стрит, – прочитал вслух молодой человек. – Боже мой! И что вам здесь нужно? У нас никаких происшествий не было, могу вас уверить, вообще ничего такого. Все в самом что ни на есть полном порядке. – У него явно не возникло намерения пригласить Питта в кабинет, так что они остались стоять в дверях.

– Не сомневаюсь, – успокоил его Томас. – Я пришел, чтобы кое-что разузнать в конфиденциальном порядке об одном враче, который, как мне стало известно, здесь работал...

– Все наши врачи – прекрасные люди. – Протест вырвался у него невольно, сразу же. – Если случилась какая-то неприятность...

– Никаких, насколько мне известно, – перебил его Питт. Драммонд был прав: ему будет чрезвычайно трудно чего-то добиться от них, кроме как совместной панической обороны. – Возникла весьма серьезная угроза его жизни. – Это была правда, по сути дела, даже если он и не стал обозначать эту угрозу точно. – Вы могли бы помочь нам выяснить, кто несет за это ответственность.

– Угроза его жизни? Ох, боже мой, как ужасно! Но здесь у нас никто никогда не стал бы даже думать о подобном! Мы тут спасаем жизни. – Молодой человек нервно подергал свой галстук, который, кажется, угрожал ему удушением.

– Но и у вас иной раз бывают неудачи, – подтолкнул его Томас.

– Ну... да, конечно. Мы не умеем творить чудеса. Подобное предположение совершенно необоснованно. Но смею вас уверить...

– Да, да, – снова перебил его Питт. – Могу я поговорить с управляющим?

Молодой человек негодующе уставился на него:

– Ну, если вам так нужно... Но, уверяю вас, нам ничего не известно о подобной угрозе, иначе мы сразу же сообщили бы в полицию. Управляющий – человек очень занятый, очень занятый!

– Не сомневаюсь, – солгал Томас. – Однако если этот человек сумеет выполнить свою угрозу и убьет доктора, как убил свою предыдущую жертву, тогда ваш управляющий станет еще более занятым человеком. Потому что у него останется меньше врачей, чтобы заниматься больными... – Последние его слова повисли в воздухе, тогда как стоящий перед ним молодой человек то краснел от недовольствия, то бледнел от ужаса.

Как бы то ни было, но перепуганный и загнанный в угол управляющий, мрачный мужчина с длинными усами и редеющими волосами, был не в состоянии сообщить Питту что-то стоящее, что хоть на шаг продвинуло бы расследование. Он был гораздо более расположен вести беседу, чем ожидал Томас, не слишком преувеличивал собственную важность и значение и прекрасно осознавал огромность стоящих перед ним задач в борьбе с болезнями, которые он не умел лечить; понимал, как невежество губит даже малые успехи просвещения; имел представление о чистоте и гигиене в ситуации, когда люди практически не имеют доступа к чистой воде, к достойным условиям санитарии и хоть какой-либо канализации, все системы которой загромождали полчища крыс. Уж если принц-консорт, супруг королевы, умер от тифа в результате скверного водоснабжения, хотя и жил в собственном дворце, что можно было сделать в жилищах простых людей, не говоря уж о бедняках и несчастных, проживающих в трущобах?

Управляющий провел Питта в маленький неубранный кабинет, в котором пахло мылом и лежалыми бумагами. Окно здесь было очень маленькое, оба газовых рожка были зажжены и горели, издавая легкое шипение. Он пригласил Питта присесть и огорченно сообщил:

– Ничем не могу вам помочь. Шоу – чертовски хороший врач, можно сказать, одаренный. Не раз видел, как он сутками напролет сидел у постели больного; как он плакал, если терял при родах мать и ребенка. – Тут на его худом лице промелькнула улыбка. – И еще видел, как он орал на какого-то надутого старого идиота за то, что тот заставляет его впустую тратить на него время. – Он вздохнул. – И еще больше орал на типа, который вполне

мог бы кормить своих детей и молоком, и фруктами, но не делал этого. И бедняжки росли все кривые от рахита. Никогда не видел, чтоб человек впадал в такую ярость, как Шоу в тот день. Его аж трясло от негодования, он весь побелел. – Управляющий глубоко вздохнул и откинулся на спинку стула и поглядел на Питта на удивление острым взглядом. – Мне он нравится. Мне ужасно жаль, что такое случилось с его женой. Вы ведь именно поэтому ко мне пришли? Потому что думаете, что этот пожар был устроен, чтобы его погубить?

– Это представляется вполне возможным, – ответил Питт. – У него не было каких-то крупных разногласий с коллегами, о которых вам известно?

– Ха! – Управляющий взорвался смехом. – Ха! Если вы задаете такой вопрос, значит, вы совершенно не знаете Шоу. Конечно, были! Причем со всеми – с коллегами, с медсестрами, с администрацией – то есть со мной. – В его глазах светилось мрачное довольство. – И раз уж я обо всем этом знал – могу себе представить, что это всем тут было известно, все это могли слышать. Он вообще не имеет понятия об осторожности и осмотрительности – по крайней мере, когда разыгрывает его темперамент. – Он чуть съехал вперед на своем стуле и выпрямился, глядя на Питта более напряженным взглядом. – Я, конечно, не имею в виду дела чисто медицинские. Здесь он нем как рыба – сплошная врачебная тайна. Никогда не выдавал никаких секретов своих больных, даже на консилиумах с участием других специалистов. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни слушал или передавал какие-то сплетни. Но вот темперамент у него – это же прямо порох, индийский карри, особенно когда он видит несправедливость или жульничество. – Управляющий пожал плечами. – Он не всегда бывает прав, но когда выяснялось, что был не прав, он обычно менял свою точку зрения, хотя и не сразу.

– Его здесь любят?

Управляющий улыбнулся.

– Я не стану оскорблять вас всякими выдумками. Те, кто его любит, любят его очень сильно. И я – один из них. Но есть и немало таких, кого он обидел тем, что они считают беспричинной резкостью или же откровенностью, доходящей до грубости, вмешательством в их дела или подрывом их авторитета. – Его худое и добродушное лицо демонстрировало способность к толерантности, нарабатанную за долгие годы битв и поражений. – Есть немало людей, которые очень не любят, когда другие доказывают, что те не правы, и высказывают более справедливое мнение, особенно если это происходит на публике. И чем дольше и упорнее они придерживаются своей первоначальной позиции, тем большими дураками выглядят, когда им в конечном итоге приходится от этой позиции отказываться и признавать правильное мнение. – Его улыбка стала еще шире. – И Шоу нередко бывает менее чем тактичен, когда сталкивается с подобным. Его ум часто действует быстрее, чем его понимание чувств окружающих людей. Я неоднократно наблюдал, как он заставлял собрание смеяться над кем-то, и видел по лицу этого человека, что однажды наш доктор дорого за это заплатит. Немногие любят, когда их выставляют на всеобщее посмешище; они предпочли бы получить удар в лицо, но не насмешки.

Питт постарался, чтобы его голос звучал нормально, но тут же понял, что не преуспел в этом.

– А кто именно? – спросил он.

– Таких, кто стал бы поджигать его дом, среди них нет, – ответил управляющий, глядя на Питта широко открытыми честными глазами.

Не имело смысла продолжать этот фехтовальный поединок, и Томас вовсе не оскорбил его, спросив:

– Вы дадите мне имена тех, кого доктор обидел более всего? Этих, по крайней мере, можно будет сразу же исключить из числа подозреваемых. Но дом-то сгорел дотла, а миссис Шоу погибла. Кто-то совершил поджог.

Лицо управляющего утратило юмористическое выражение, словно это выражение стерли с него губкой; вместо этого оно стало строгим и суровым. Он не стал более сопротивляться.

– Феннеди его терпеть не мог, – сказал он, откидываясь назад и начиная зачитывать нечто вроде каталога, но в его голосе звучало больше понимания, чем уверенности. – Они ссорились по любому поводу, начиная с состояния монархии и кончая состоянием сточных канав, а также всем, что находится между этими двумя темами. И еще Ниммондс. Старик, он привержен старым понятиям и идеям, от которых не имеет намерения отказываться. Шоу доказывал ему, что теперь существуют более прогрессивные методы лечения, но, к сожалению, делал это в присутствии пациента, который быстренько переходил к другому лечащему врачу, прихватив с собой свое немаленькое семейство.

– Бестактность, – согласился Питт.

– Это его второе имя. – Управляющий вздохнул. – Но он спас жизнь этому человеку. И есть еще Хэншоу – он молод и полон новых идей, но Шоу и с ним не желает считаться; говорит, что это еще толком не опробовано и рискованно. Он упрям, как последний мул, вот Хэншоу и потерял всякое терпение. Но я не думаю, что он затаил обиду. Вот и всё, что я могу вам сообщить.

– Итак, никакого такта, никакой сдержанности при общении с коллегами, а вот как насчет неуместного или непристойного поведения с пациентами? – Питт все еще не был намерен сдаваться.

– У Шоу? – Брови управляющего взлетели вверх. – Черт бы побрал ваш натуралистический подход, но, надо полагать, так и нужно... Нет, я ни о чем подобном не знаю, он вообще-то милый и энергичный человек. Можно вполне представить, что некоторые женщины могли вообразить себе то, чего на самом деле не было.

Его прервал резкий стук в дверь.

– Войдите! – сказал управляющий, бросив в сторону Питта извиняющийся взгляд.

В дверь просунул голову тот самый молодой человек, которому так не понравился Питт. На его лице по-прежнему было выражение полного отвращения.

– Пришел мистер Маршан, сэр. – Он намеренно игнорировал Питта. – Из ратуши.

– Передайте ему, что я освобожусь через несколько минут, – без какой-либо спешки ответил управляющий.

– Из ратуши, – повторил молодой человек. – Это очень важно... сэр.

– Это тоже важно, – четко и твердо сказал управляющий, не меняя положения. – От этого может зависеть жизнь человека. – Потом он скорбно улыбнулся, осознав некоторую двусмысленность последнего заявления. – И чем дольше вы будете там стоять, Спунер, тем больше времени пройдет, прежде чем я закончу здесь и смогу встретиться с мистером Маршаном! Ступайте, молодой человек, и передайте ему, что я скоро буду.

Обиженный Спунер убрался, закрыв дверь довольно резко, насколько у него хватило смелости. Управляющий снова повернулся к Питту и чуть покачал головой.

– Шоу... – напомнил ему инспектор.

– Некоторые женщины вполне могли в него влюбиться, вполне, – продолжил управляющий, снова покачав головой. – Такое случается. Странные это отношения – врач и пациентка; они настолько личные, но одновременно и практические, так что в какой-то мере в них соблюдается определенная дистанция. Не единожды бывало и такое, что эти отношения выходили из-под контроля или кто-то неправильно их понял – например, муж или отец пациентки. – Он вытянул губы. – Ни для кого не секрет, что Альфред Латтеруорт считает, что его дочь слишком высокого мнения о Шоу и настаивает на том, чтобы посещать его одной, без сопровождения, а также отказывается обсуждать то, что происходит между ними и какой у нее может быть недуг. Красивая девушка, многообещающая. Старина Латтеруорт сделал

себе состояние на хлопке. Не знаю, кто еще мог положить на нее глаз. Сам-то я живу не в Хайгейте.

– Благодарю вас, сэр, – искренне поблагодарил его Питт. – Вы потратили на меня столько времени и очень помогли мне – по крайней мере, в исключении некоторых возможных подозреваемых.

– Не завидую я вам с этой вашей работой, – ответил управляющий. – Я-то полагал, что это у меня трудная работенка, однако, боюсь, ваша будет потруднее. Доброго вам дня.

Когда Томас вышел из здания больницы, осенний вечер уже опустил на землю мрак, и газовые фонари уже были зажжены. На дворе стоял октябрь, и первые опавшие листья похрустывали под ногами, когда инспектор направлялся к перекрестку, где можно было поймать кеб. Воздух был прозрачен и чист, и это заставляло предполагать, что через неделю-две ударят морозы. Бесконечно далекие звезды посверкивали в небе, блестели и подмигивали в холодном воздухе. Здесь, в Хайгейте, не было ни тумана, поднимавшегося от реки, ни дымов от заводов и фабрик, не было и плотно населенных домов, тесно прижавшихся друг к другу. Томас ощущал порывы ветерка, дующего с полей, чувствовал приносимые им запахи, слышал лай собак в отдалении. Надо бы как-нибудь забрать Шарлотту и детей и выехать на недельку в деревню. Она уже давно никуда не выбиралась из Блумсбери. Ей это понравится. И Питт начал размышлять о том, как бы что-нибудь сэкономить, хоть немного, чтобы собрать достаточно денег для осуществления этой идеи, и представил себе ее лицо, когда он ей об этом скажет. Пока что надо держать это при себе, пока не придет время.

Он шел по протоптанной тропинке и так глубоко задумался, что первый встреченный кеб проехал мимо и успел перевалить через вершину холма и исчезнуть из виду, прежде чем он это осознал.

На следующее утро Томас вернулся в Хайгейт в надежде узнать, не удалось ли Мёрдо выяснить что-нибудь интересное; но того не было на месте, он явно уже шел по горячему следу и оставил на столе лишь краткие заметки. Питт поблагодарил дежурного сержанта, который все еще злился на него за вторжение в дела их участка, с которыми, как он полагал, они вполне могли бы справиться и сами. Инспектор вышел на улицу и отправился обратно в больницу с целью побеседовать с дворецким доктора Шоу.

Тот полусидел в кровати и выглядел изможденным и измученным. Глаза глубоко ушли в глазницы от шока и боли, он был небрит, а левая его рука была вся в бинтах. На лице были заметны царапины, на одной уже образовался струп. Врач мог бы и не сообщать Питту, что этот человек получил сильные ожоги.

Томас остановился возле кровати и, несмотря на царящие здесь мощные запахи крови, карболки, пота и слабого аромата хлороформа, вдруг почувствовал вонь дыма и мокрых углей, словно вновь оказался перед обгоревшими руинами дома, а потом видел, как вытаскивали на носилках обгоревшее тело Клеменси Шоу, в котором с трудом можно было опознать что-то человеческое, и отправляли его в морг. Злость и гнев, возникшие где-то внутри, съжились в комок в районе желудка и груди, а Питт все никак не мог найти нужные слова, не мог их произнести, не мог заставить себя заговорить.

– Мистер Бердин?

Дворецкий открыл глаза и посмотрел на вошедшего безразличным взглядом.

– Мистер Бердин, я инспектор Томас Питт из столичной полиции. Меня направили в Хайгейт с целью выяснить, кто поджег и сжег дотла дом доктора Шоу... – Он не стал упоминать имя Клеменси. Может быть, ему про это еще не говорили. Таким жестоким сообщением можно вызвать никому не нужный шок. Его проинформируют позже, в мягкой форме, когда с ним кто-то сможет побыть, возможно, даже сможет утешить, если такое сообщение ухудшит его состояние.

– Ничего я не знаю, – хрипло сказал Бердин – его легкие сильно пострадали от дыма. – Я ничего не видел и ничего не слышал, пока Дженни не начала орать и визжать. Дженни – это наша горничная. Ее спальня ближе всего к хозяйским апартаментам.

– Мы и не думаем, что вы видели, как начался пожар. – Питт старался говорить ободряющим тоном. – Или что заметили что-то странное. Но у вас могут оказаться – если вспомните – какие-нибудь сведения, которые могут быть важными, возможно, когда их сопоставят с другой информацией. Могу я задать вам несколько вопросов? – Это был лишь вежливый подход – получить такое разрешение, – но дворецкий был по-прежнему в шоковом состоянии, и ему было больно.

– Конечно. – Голос Бердина упал до хриплого карканья. – Я уже думал над этим, крутил и вертел в мозгах разные соображения. – Его лицо собралось складками от этого усилия. – Но не помню ничего странного, совершенно ничего. Все было совсем как... – Тут у него словно воздух застрял в горле, и он начал кашлять, снова потревожив едва поджившие ожоги в легких.

Питт немного сконфузился, даже запаниковал, когда лицо мужчины посинело от прилива крови, от усилий глотнуть воздуху, а из глаз потекли слезы. Он огляделся по сторонам, надеясь позвать кого-то на помощь, но никого не увидел. Потом заметил на столике в углу кувшин с водой и неуклюже, в спешке налил воды в чашку. Обнял Бердина за плечи, приподнял и поднес ему чашку к губам. Тот сперва поперхнулся, закашлялся, обрызгав всего себя спереди, но потом немного воды все же просочилось ему в горящее, воспаленное горло и остудило его. Боль утихла, и он, обессиленный, откинулся назад. Было жестоко и бессмысленно требовать, чтобы он продолжал отвечать. Но вопросы требовали ответов, и их нужно было задать.

– Ничего не говорите, – твердо сказал Питт. – Поверните руку ладонью вверх, если хотите сказать «да», и ладонью вниз, если «нет».

Бердин слабо улыбнулся и поднял руку ладонью вверх.

– Хорошо. Кто-нибудь приходил к доктору домой в тот день помимо его обычных назначенных больных?

Ладонь вверх.

– Торговцы или бизнесмены?

Ладонь вниз.

– Личные знакомые?

Ладонь боком.

– Кто-то из семьи?

Ладонь вверх.

– Сестры Уорлингэм?

Ладонь вниз, очень отчетливо.

– Мистер или миссис Хэтч?

Ладонь вверх.

– Миссис Хэтч?

Ладонь вниз.

– Мистер Хэтч? Может, имела место ссора, разговор на повышенных тонах, неприятные высказывания? – Хотя Питт не представлял себе причин, которые могли бы превратить темпераментный обмен мнениями в убийство.

Бердин чуть пожал плечами и повернул ладонь боком.

– Ничего сверх обычного? – догадался Томас.

Бердин улыбнулся, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на юмористическое выражение, но потом дворецкий снова пожал плечами. Он не знал.

– Кто-нибудь еще приходил?

Ладонь вверх.

– Местный?

Ладонь вверх и чуть выше.

– Сосед? Мистер Линдси?

Лицо Бердина расплылось в улыбке, ладонь осталась обращенной вверх.

– Кто-нибудь еще, кого вы знаете?

Ладонь вниз.

Питт подумал было спросить, не было ли почты, которая могла оказаться необычной или представлять интерес, но что бы это такое могло быть? И как можно это определить?

– По виду доктора Шоу в тот день можно было понять, что он чем-то озабочен или обеспокоен?

Ладонь вниз, но неуверенно, она повисла над постелью.

Питт решил высказать догадку, исходя из того, что он узнал о темпераменте Шоу.

– Он злился? Негодовал на что-то?

Рука быстро повернулась ладонью вверх.

– Спасибо, мистер Бердин. Если вспомните еще что-нибудь – разговоры, письма, необычные приготовления, – пожалуйста, сообщите персоналу и запишите на листке бумаги. Я немедленно явлюсь к вам. Надеюсь, вы быстро поправитесь.

Дворецкий улыбнулся и закрыл глаза. Даже это небольшое усилие его здорово утомило.

Питт вышел, злясь на себя за причиненную боль и собственное бессилие, поскольку ничего не мог с этим поделать, ничем не мог помочь, да и узнал он очень немного, что могло бы пригодиться. Как он представлял себе, Шоу и Хэтч могли ссориться и ругаться достаточно часто, поскольку их взгляды и мнения были диаметрально противоположны. Вне всяких сомнений, любой вопрос они рассматривали с противоположных позиций.

Кухарка доктора Шоу была в гораздо менее критическом состоянии, так что Томас покинул больницу, взял кеб и поехал вниз по Хайгейт-райз и через Холлоуэй по направлению к Севен-Систерз-роуд, к дому ее родственников, где она нашла приют. Адрес ему сообщил Мёрдо. Дом оказался маленьким, опрятным и ветхим, точно таким, каким он и ожидал его увидеть, и внутрь его впустили с неудовольствием, только после продолжительных пререканий.

Кухарку он обнаружил сидящей на постели в самой лучшей спальне дома, всю завернутую в покрывала, скорее ввиду непристойности того, что ее посещает незнакомый мужчина, нежели для защиты от холода. У нее обгорела одна рука, и еще она потеряла часть волос, отчего выглядела какой-то скособоченной и ошипанной; если бы не эта трагедия, женщина выглядела бы даже забавно и смешно. А в такой ситуации Питту было очень трудно сохранять на лице серьезное выражение.

Ее родственница, племянница, вся кипит от раздражения и негодования, упорно и назойливо оставалась в комнате.

– Миссис Бэббедж? – начал Питт. Всех кухарок всегда именовали «миссис», независимо от того, были они замужем или нет.

Она с тревогой посмотрела на него, и ее ладонь взлетела ко рту, подавляя вскрик.

– Я не причиню вам никакого вреда, миссис Бэббедж...

– Кто вы такой? Чиво вам нада? Я вас ни знаю. – Она нагнулась вперед, словно его присутствие грозило ей физической опасностью.

Томас быстро сел на маленький стул, стоявший прямо позади него, и попытался ее успокоить. Она была явно все еще под воздействием сильного шока, скорее эмоционального, чем от полученных ожогов, которые, по всей видимости, были незначительными.

– Я инспектор Питт, – сказал он, представляясь и избегая при этом слова «полиция». Томас отлично знал, как слуги из уважаемых домов не любят даже малейших упоминаний о преступлениях и терпеть не могут общаться с полицией. – Это мой долг – сделать все, чтобы выяснить, как начался пожар.

– Ток’ ни у меня в кухне! – заявила она столь громким голосом, что испугала свою племянницу, которая охнула и с шумом вдохнула. – Ни удумайте обвинять мне или Дорис! Уж я-то знаю, как обращаться с плитой. Никада у мне даже уголек из нее ни выпадал, никада! Ни гаваря уж о том, чтоб поджечь наш дом!

– Нам это известно, миссис Бэббедж, – успокаивающе сказал инспектор. – Пожар начался не в кухне.

Она вроде как немного успокоилась, но ее глаза оставались широко открытыми, и в них сохранялось испуганное выражение, а пальцами она продолжала мять и тискать тряпку, изображавшую носовой платок, пока пальцы не покраснели от непрерывного трения. Она боялась поверить ему, подозревая, что это какая-то ловушка.

– Пожар начался от преднамеренного поджога портьер в четырех разных комнатах первого этажа, – развил он свое заявление.

– Как тока эта в голову каму магло прийти! – прошептала она, еще сильнее стискивая платок. – Зачем вы пришли к мне?

– Потому что вы могли заметить в тот день что-то странное, кого-то незнакомого, болтающегося рядом с домом...

Еще произнося это, Питт понял, что дело тут безнадежное. Кухарка была слишком шокирована, чтобы хоть что-то вспомнить, да и сам он не верил, что это мог оказаться какой-нибудь случайный бродяга или бездомный. Нет, преступление было слишком тщательно продумано; это свидетельствовало о жуткой ненависти или о неутолимой жадности или о боязни каких-то немислимых потерь. Прежняя мысль снова вернулась к нему с новой силой: что такого знал доктор Шоу – и о ком?

– Я ничё ни видала. – Она начала плакать, вытирая глаза; потом сказала, снова громко: – Я свайми дилами занимаюсь, в чужии ни лезу; ни задаю лишних вопросов и ни подслушиваю у дверей. И никада ни позволяю себе думать или гаварить что-та про хозяина или про хозяйку...

– Неужели? – тут же спросил Питт. – Это весьма похвально. Надо полагать, другие кухарки это любят?

– Канешшна, любят!

– Правда? И что они говорят, к примеру? – Он притворился удивленным. – Если бы вы были из таких, что бы вас больше всего удивило?

Она вся подтянулась и выпрямилась в порыве добродетельного возмущения и уставилась на него поверх своей крупной ладони, обмотанной промокшим платком.

– Ну, ежели б я была того сорту... а я вовси ни такая! Тада я б, канешшна, удивилась бы и стала спросать, пач’му эта мы отпустили одну из горнишных, ежели за ей ни числилось ничего плохого, и пач’му пиристали покупать семгу, как покупали раньши, и еще не заказываем теперь хорошие свиные ножи... И ище я магла б спросать у Бердина, пач’му за последний шесть месяцев в дом ни доставили ни аднаго ящика приличнава кларету.

– Но вы, конечно, ничего такого не спрашивали, – рассудительно заметил Питт, пряча улыбку. – Доктору Шоу здорово повезло, что у него в хозяйстве такая здравомыслящая и сдержанная кухарка!

– Ох, я уж и ни знаю, буду ли ишло у него готовить! – Она снова начала хлюпать носом. – Дженни уже уведомила его об уходе, она как тока паправицца, сразу уедет домой, в Сомерсет, она аттуда родом. А Дорис ишло робенок, ей, кажись, всего тринадцять. А

бедный миста Бердин так плох, никто не знает, сдюжит ли он... Нет, мне нада устроиться в респектабельный дом, чтоб нервы сберечь.

Спорить с нею не имело никакого смысла, а Шоу пока что не нуждался ни в каких слугах – у него не было теперь дома, где они могли бы жить и который могли бы обслуживать. Но помимо этого мысли Питта крутились вокруг весьма интересного факта, что Шоу, видимо, сократили в последнее время свои расходы, причем до такой степени, что кухарка это заметила и очень удивилась – про себя.

Томас встал, пожелал ей всего хорошего, поблагодарил племянницу и покинул этот дом. После чего отправился на поиски Дженни и Дорис, которые почти не пострадали, разве что получили незначительные поверхностные ожоги и мучились более от шока и испуга, так что не было опасности, что их состояние может как-то ухудшиться, как в случае с Бердином.

Питт нашел их в доме приходского священника под опекой Лелли Клитридж, которой не нужно было объяснять причину его визита. Но даже при осторожном и тщательном опросе женщины не сообщили ему ничего полезного. Они не видели возле дома ничего и никого необычного; и в доме было все точно так, как было всегда. День этот был совершенно заурядный, пока их не разбудили; Дженни выскочила из постели, почувствовав запах дыма, поскольку еще не спала, а думала о некоей проблеме, которую отказалась назвать, но сильно при этом покраснела; а Дорис проснулась от криков Дженни.

Томас поблагодарил их и вышел на темнеющую улицу и быстро пошел в южную сторону, к Вудсом-роуд и дому женщины, которая ежедневно приходила в дом и занималась самой тяжелой работой, некоей миссис Колтер. Это оказался маленький домик, но окна были чисто вымыты, а ступеньки крыльца выскоблены так безукоризненно, что из уважения к таким трудам Питт постеснялся топтать их своими ботинками.

Дверь ему открыла крупная, спокойная женщина с широким лицом, выдающейся грудью и в фартуке, плотно облегающем талию, карманы которого были битком набиты всякой всячиной. Волосы ее висели сзади, наскоро увязанные в узел.

– Вы кто? – удивленно спросила она, но без враждебности. – Я вас не знаю, точно?

– Миссис Колтер? – Питт снял свою довольно потрепанную шляпу с уже немного замявшейся тульей.

– Это я. Но вы не сказали, кто вы такой.

– Томас Питт, столичная полиция...

– Ох! – У нее расширились глаза. – Вы, значицца, насчет пожара у бедного дохтура Шоу. Жуткий случай! Такая была прекрасная женщина, миссис Шоу! Ужасно, ужасно! Мне ее жуть как жалко! Входите. Надо думать, вы озябли. И небось голодны?

Питт вошел внутрь, тщательно вытерев ноги о коврик, прежде чем ступить на покрытый отполированным линолеумом пол. Он даже чуть не начал, нагнувшись, стаскивать ботинки, как сделал бы дома. И на него тут же буквально навалился мощный запах готового рагу, отдающий жареным луком и сладостью свежей моркови и репы.

– Да, – с чувством сказал он. – Голоден.

– Ну, я уж не знаю, чем могу вам помочь. – Миссис Колтер повела инспектора в заднюю часть дома, и он последовал за нею. Сидеть в комнате, наполненной подобными ароматами, и ничего не есть было бы слишком затруднительно. Ее обширная фигура вплыла впереди него в маленькую чистенькую кухню. На дальней конфорке плиты булькал на медленном огне огромный горшок, наполняя воздух паром и теплом. – Но я попробую, – добавила она.

– Спасибо. – Питт сел на один из стульев, надеясь, что она имела в виду рагу, а не информацию.

– Гряд, эта было нарочно сделано, – сказала она, сняв с горшка крышку и помешав его содержимое деревянным черпаком. – Хотя как эт' можно было надумать такое исделать, не разумею!

– Вы сказали «как», но не «почему», – заметил Томас, глубоко вдохнув насыщенный ароматами воздух и со свистом выдохнув. – А можете привести причины почему?

– Тут не больно много мяса, – с сомнением в голосе сказала она. – Это всего лишь кусочек бараньей пашины.

– У вас есть какие-то соображения почему, миссис Колтер?

– Потому как денежек у меня больше не было, почему ж еще, – ответила она, глядя на него так, словно он был суший простак, но все же добродушно.

Томас покраснел. Он имел большую практику общения с бедняками, чтобы не делать таких идиотских замечаний – или таких снисходительных.

– Я хотел сказать, почему кто-то поджег дом мистера и миссис Шоу!

– Хотите попробовать? – Миссис Колтер подняла черпак.

– Да, пожалуйста, с удовольствием.

– По многим причинам. – Она стала щедро накладывать рагу на большое блюдо. – Из мести, к примеру. Тут есть такие, кто все твердят, шо ему следовало бы получше лечить мисту Теофилиуса Уорлингэма, чем он это делал. Хотя сама-то я завсегда считала, шо миста Теофилиус вполне мог однажды сам себя довести до такого состояния, шо его трахнул бы удар, от которого он тут же бы и помер. Так оно и вышло. Но, вааще-то, это вовсе ни значит, шо кто-то думает именно так.

Она поставила блюдо на стол перед ним и протянула ему ложку, которой он мог это есть. Рагу в основном состояло из картошки, лука, морковки и некоторого количества кусочков сладкой репы, среди которых виднелись несколько ломтиков мяса, но блюдо было горячее и пахло просто замечательно.

– Очень вам благодарен, – сказал Питт, придвигая к себе блюдо.

– Тока не думайте, шо это имело какое-то отношение к делу. – Она резким жестом отвергла это предположение. – Миста Латтеруорт тож' очень ярился на дохтура Шоу – по поводу своей дочуры, мисс Флоры, она ить то и дело удирала из дому, шобы посетить дохтура, в любое время и вроде как очень осторожно, секретно, и не в его врачебном кабинете. Но миссис Шоу совсем не беспокоилась по этому поводу, так шо я не думаю, шо в этом что-то такое было, как и не должно было быть. Ну, в крайней мере, не слишком. Думаю, дохтур Шоу и миссис Шоу по большей части жили так, как им самим ндравилось. Дружили вроде как со многими, но, кажись, не слишком близко общались.

– Вы очень наблюдательны, миссис Колтер, – с сомнением заметил Питт.

– Соли добавить, не? – спросила она.

– Нет, спасибо, и так очень вкусно.

– Ну, не так уж шобы... – Она покачала головой.

– Да-да, просто отлично. Ничего больше добавлять не требуется, – уверил ее Томас.

– Тут не надоть никаких особых талантов, шоб видеть, шо люди привыкли друг к другу и уважають друг друга, но не против, ежели кому-то из них пондравился кто-то еще.

– А доктору или миссис Шоу нравился кто-то еще? – Ложка Питта замерла в воздухе, он даже забыл про рагу.

– Ежели да, так я про то не знаю. Но миссис Шоу кажанный день уежжала в город, и он желал ей доброго пути и никогда не беспокоилси и не волновалси о том, с кем она уежжает; или когда женка викария слишком уж выходила из себе всякий раз, когда дохтур Шоу ей улыбалси.

На сей раз Питт не смог скрыть удивления и пониже наклонил голову, к самому блюду, чтобы хоть как-то скрыть это.

– В самом деле? – спросил он, положив в рот очередную ложку рагу. – И как вы думаете, доктор Шоу замечал это?

– Бог с вами, канешшна, нет! Он же слепой, как крот, никогда не замечает, что чувствуют другие в таких случаях. Но вот миссис Шоу, она-то все эта видела, и, думаю, преподобный тоже. Он-то всем желает добра. Но он не мужик, особливо в сравнении с дохтуром. И все ж таки, – тут миссис Колтер вздохнула, – так уж оно случилось, точно? – Она осмотрела его пустое блюдо. – Добавить вам еще?

Томас вспомнил про ее семейство, которое ей надо было кормить, и отодвинул блюдо подальше от себя.

– Нет, спасибо, миссис Колтер. Мне вполне достаточно. Вкус просто замечательный.

Женщина чуть порозовела. Ей явно редко приходилось слышать комплименты в свой адрес, она была польщена и чувствовала себя немного неловко.

– Да ничего особенного, обычное рагу. – Миссис Колтер отвернулась, чтобы еще раз яростно помешать в горшке.

– Для вас, может быть, и обычное. – Питт встал из-за стола и задвинул стул обратно – дома он не озаботился бы ничем подобным. – Но я весьма признателен вам. Может, вы что-нибудь еще вспомнили, что могло быть как-то связано с пожаром?

Она пожала плечами.

– Ну, тут всегда вспоминают про наследство Уорлингэма, про его деньжата. Тока уж не знаю, как это с ним завязано. Не думаю, шоб дохтур очень уж стремился их заполучить, ведь деток-то у них, у бедняг, нетути.

– Спасибо, миссис Колтер. Вы мне очень помогли.

– Не думаю, шоб уж очень. Любой дурак мог бы рассказать вам то же самое, но ежели вам это пригодицца, я рада. Надеюсь, вы споймаете этого, хто это устроил. – Она тяжело засопела и снова отвернулась, чтобы помешать рагу. – Она такая была прекрасная женщина, я прям убиваюсь, как мне жалко, шо она померла – да еще так жутко!

– Я его поймаю, миссис Колтер, – сказал инспектор довольно беспечно, но потом, когда вышел из дома на тропинку и вдохнул холодного вечернего воздуха, пожалел, что не сдержался. Он не имел ни малейшего представления, кто это резал оконное стекло и лил керосин на портьеры, а потом поджигал их.

Утром Томас первым делом снова вернулся в Хайгейт, а по пути туда все крутил и вертел в уме все, что ему уже известно по этому делу. Он успел рассказать Шарлотте, что ему удалось узнать, в основном это были отрицательные сведения. Она сама его об этом попросила. Ей стало интересно, чего Питт совсем не ожидал, потому что до сего времени дело не выделялось какой-то особой человеческой драмой; оно было не того типа, что обычно захватывали жену. Шарлотта не стала ничего ему объяснять, только сказала, что ей очень жалко погибшую женщину. Погибнуть таким образом – просто ужасно!

Томас уверил ее, что, по всей вероятности, Клеменси Шоу задохнулась в дыму задолго до того, как до нее добрался огонь. Возможно даже, что она вообще не успела проснуться.

Шарлотту это немного успокоило, и поскольку он уже сообщил ей, что прогресс в расследовании пока что минимальный, она не задавала больше вопросов, а вместо этого обратилась к своим домашним делам, засыпав Грейси залпом инструкций; та же стояла в дверях кухни с широко распахнутыми глазами и терялась в догадках, с чего бы это.

Питт остановил кеб возле дома Эймоса Линдси, расплатился и пошел к парадной двери. Ее опять открыл черноволосый лакей, и Томас спросил, можно ли ему побеседовать с доктором Шоу.

– Доктора Шоу нет, он на вызове, – ответил тот и после короткого колебания добавил: – Сэр.

– А мистер Линдси дома?

– Если вам угодно будет зайти, я осведомлюсь, примет ли он вас. – Лакей отступил в сторону. – Как мне сообщить ему, кто пришел с визитом?

Интересно, он что, и в самом деле не запомнил Питта? Или намеренно проявляет нечто вроде снисхождения?

– Инспектор Томас Питт, столичная полиция, – ответил Томас довольно ядовитым тоном.

– Да-да, конечно. – Лакей поклонился – едва заметно, только блик света, промелькнувший по его блестящей прилизанной голове, позволил это заметить. – Не угодно ли вам подождать здесь? Я сию минуту вернусь. – И не удосужившись посмотреть, принял ли Питт его приглашение, он быстро и почти бесшумно удалился в заднюю часть дома.

У Томаса появилась возможность обозреть все вокруг, рассмотреть весь холл с его жуткими и экзотическими предметами, этакой смесью произведений искусства и сувениров. Картин здесь не было, да и вообще ничего из европейского культурного наследия. Статуэтки были деревянные или из слоновой кости, чуждых очертаний; они выглядели неуместно в традиционном антураже обычной комнаты с ее деревянными панелями на стенах и квадратными окнами, пропускавшими сюда тусклый свет октябрьского утра. Эти копыта должны были держать темнокожие руки, эти головные уборы должны были двигаться, а не торчать, пришипленные неподвижно к традиционному английскому дубу. Питт обнаружил, что упорно размышляет о той невообразимо иной жизни, которую Эймос Линдси вел в странах, столь непохожих на что-либо вроде Хайгейта или на то, что могли себе представить его обитатели. Что он там видел, что делал? Кого там знал? Неужели то, что он там узнал, так повлияло на его политические взгляды, которые приводят в ужас мистера Паскоу?

Размышления Томаса прервало возвращение лакея, который уставился на него с немим неодобрением.

– Мистер Линдси примет вас в кабинете. Прошу вас, вот сюда. – На этот раз он вообще опустил слово «сэр».

Эймос Линдси стоял посреди кабинета спиной к камину, где пылал огонь. Его лицо было розовым под шапкой роскошных седых волос. И на нем не было заметно никакого неудовольствия при виде Питта.

– Входите, – сказал он, не обращая внимания на лакея, который бесшумно исчез. – Чем могу быть вам полезен? Шоу на вызове. Не знаю, надолго ли, не могу судить о больных. Что я могу добавить к тому, что вы уже узнали? Жаль, что мне известно лишь немного. А то, что известно, почти ничего не стоит.

Питт оглянулся назад, на холл с его сувенирами и реликвиями.

– Вы, должно быть, видели много жестокости и насилия в тех местах, где бывали. – Это было в большей мере замечание, чем вопрос. Он вспомнил старую приятельницу тетушки Веспасии, Зенобию Ганн, которая много путешествовала по Африке в фургоне, плавала по неисследованным рекам и жила в странных диких селениях с людьми, которых ни один европеец до нее не видел.

Линдси с любопытством наблюдал за ним.

– Да, видел, – кивнул он. – Но это так и не стало для меня обычным явлением, и я отнюдь не перестал считать насильственную смерть шокирующим событием. Когда живешь в чужой стране, мистер Питт, неважно, какой бы странной она ни казалась поначалу, через очень короткое время тамошние люди становятся близкими и понятными, и их горе и их радость глубоко вас затрагивают. Все существующие на земле различия – это лишь тень, если сравнить их с тем, что у нас общего. И, сказать вам по правде, я чувствовал себя гораздо более близким этим чернокожим, танцующим под луной голыми, если не считать их боевой раскраски, или желтым женщинам, прижимающих к себе своих перепуганных детишек, чем когда-либо ощущал подобное в обществе Джозайи Хэтча и ему подобных, высокопарно

рассуждающих о месте женщины, о том, что на то есть воля Божья, чтобы они страдали при деторождении. – Он скорчил рожу, и его примечательно подвижное лицо стало совсем жутким. – И доктор, если он истинный христианин, не должен в это вмешиваться! Это наказание, ниспосланное Еве, и все такое прочее. Ну, хорошо, я знаю, что таких здесь большинство. – Он посмотрел прямо Питту в лицо, уставился своими глазами цвета небесной лазури, почти скрытыми под тяжелыми веками, словно все еще прищуривал их, оберегая от яркого тропического солнца.

Томас улыбнулся. Он считал, что, вполне возможно, и сам бы пришел к такому мнению, если бы когда-нибудь выбрался из Англии.

– Вы в своих путешествиях никогда не встречались с леди по имени Зенобия Ганн... – Дальше ему ничего сказать не удалось, поскольку лицо Линдси при этом засветилось радостью и недоверием.

– Нобби Ганн! Конечно, я ее встречал! Мы познакомились в одном селении племени ашанти¹² – давно это было, в шестьдесят девятом. Удивительная женщина! А вы-то ее откуда знаете? – Счастливое выражение исчезло с его лица, вместо него появилось тревожное. – Бог ты мой! С ней ничего?..

– Нет-нет! – торопливо сказал Питт. – Я познакомился с ней через родственников своей свояченицы. По крайней мере, несколько месяцев назад она прекрасно себя чувствовала и физически, и духовно.

– Ну, слава богу! – Линдси взмахом руки пригласил Питта садиться. – Итак, что нам теперь делать с беднягой Стивеном Шоу? Он в скверном состоянии. – Яростно помешал кочергой в камине, потом повесил ее на крюк и сел в кресло. – Он очень любил Клеменси, понимаете ли. Не то чтоб это была пылкая страсть – если она вообще когда-то была, то давно прошла, – но она ему нравилась, очень нравилась. А это немногим мужчинам дано – чтобы им нравились их жены. Она была женщина редкого ума и интеллигентности, вам это известно? – Он вопросительно поднял брови, и его маленькие живые глазки уставились на Питта, словно ища подтверждения своим словам.

Томас подумал о Шарлотте. Ее лицо тут же всплыло перед его мысленным взором, и всего его заполнило чувство любви – ему ведь тоже очень нравилась его жена. Их дружеские отношения были некоторым образом не менее драгоценны, чем любовь, и, возможно, даже более ценным даром, чем-то родившимся за долгие годы совместной жизни, в результате постоянного общения и совпадения взглядов; они прекрасно понимали друг друга, умели ценить шутку, помогали друг другу в заботах и огорчениях, отлично видели сильные и слабые стороны друг друга и всегда заботились друг о друге.

Но если для Стивена Шоу страсть давно прошла – а он ведь был человеком страстным! – тогда, возможно, она вспыхнула где-то в другом месте? Может ли дружба, какой бы крепкой и глубокой она ни была, выжить в водовороте чувств? Томас хотел бы верить, что может. Шоу ему понравился, это было совершенно интуитивное чувство.

Но вот его жена, какой бы она ни была, вряд ли стала бы подчиняться каким-то правилам или ограничениям. На самом деле она вполне могла кипеть от ревности, а тот факт, что Шоу все еще нравилась его жена и он уважал ее, почти наверняка мог разрушить этот хрупкий, чисто внешний сдерживающий барьер. И в результате привести к убийству.

Линдси все смотрел на него, ожидая ответной реакции, более ощутимой и понятной, нежели задумчивое выражение лица.

– И в самом деле, – вслух произнес Питт, вновь поднимая взгляд. – Вполне естественно, что сейчас он с трудом мог бы сказать, кто мог питать к нему такую вражду или полагал бы, что может получить какие-то выгоды от смерти его самого или его жены. Но поскольку

---

¹² Ашанти – одно из племен, населяющих Гану.

вы хорошо его знаете, вы могли бы высказать какие-то предположения, какими бы неприятными они ни были. Мы тогда, по крайней мере, могли бы исключить некоторых людей... – Томас оставил предложение незавершенным, и его слова повисли в воздухе. Он надеялся, что продолжать настаивать не имеет смысла.

Линдси был достаточно умен, чтобы нуждаться в подталкивании со стороны. Его взгляд прошелся по сувенирам на стенах. Возможно, сейчас он вспоминал другие страны и других людей, не меньше подверженных подобным страстям, но менее затронутых и испорченных гримасами цивилизации.

– Стивен, несомненно, умел создавать себе врагов, – тихо начал он. – Так нередко бывает с людьми твердых убеждений, особенно если те четко сформулированы и они недвусмысленно их выражают, как это обычно делал он. Боюсь, у него никогда не хватало терпения на дураков, а еще меньше – на ханжей, каковых, в том или ином виде, наше общество поставляет в огромных количествах. – Он покачал головой. Угли в камине осели, разбросав сноп искр. – Чем больше мы полагаем, что стали достаточно умны и образованны, тем глупее иногда выглядим. И, конечно же, чем больше вокруг бездельников, которым нечем себя занять, кроме как конструированием моральных норм для всех остальных, тем больше ханжества и лицемерия по поводу того, кто эти нормы соблюдает и кто нет.

Питт тут же представил себе какое-нибудь дикое племя, живущее под жгучим солнцем на огромных равнинах с редкими деревцами с плоскими кронами, какие он видел на картинах, соломенные хижины, грохот барабанов и жуткую жару – и культуру, которая не менялась с незапамятных времен. Что Линдси там делал, чем занимался, как он там жил? Может, взял себе жену-африканку и любил ее? И что привело его назад в Хайгейт на окраине Лондона, в сердце империи с ее белыми перчатками, гравированными визитными карточками, газовыми фонарями, горничными в накрахмаленных фартуках, милыми старыми леди, портретами епископов, витражами... и убийствами?

– Кого, в частности, он мог обидеть или оскорбить? – Томас с любопытством ждал ответа Линдси.

Лицо того вдруг расплылось в улыбке.

– Бог ты мой, да любого! Селеста и Анжелина считают, что он плохо лечил Теофилиуса, не уделял ему должного внимания, потому что если бы это было не так, старый болван был бы еще жив...

– Действительно был бы?

Брови Линдси взлетели вверх.

– Да бог его знает... Лично я в этом сомневаюсь. Что можно сделать при апоплексическом ударе? Не мог же доктор сидеть с ним круглыми сутками!

– Кто еще?

– Альфред Латтеруорт считает, что Флора в него влюблена, – что вполне возможно. Она достаточно часто бывает у него в доме и видится со Стивеном наедине, причем не в его обычные приемные часы. Она, возможно, полагает, что об этом никто не знает, но люди-то все видят, никаких сомнений. Латтеруорт считает, что Стивен соблазняет ее, нацеливаясь на его деньги, которых у него и в самом деле очень много...

Выражение легкой задумчивости на его лице привело Питта к мысли о том, что самому ему идея о том, что Шоу мог убить свою жену, потому что та была препятствием на пути к подобному последующему браку, даже не приходила в голову. Лицо Линдси, такое морщинистое, что отражало любые его эмоции, сейчас выражало печаль с легким оттенком презрения, но не жестокость; да и страха на нем заметно не было.

– И, конечно, Лелли Клитридж всегда приходила в ужас от его высказываний, – продолжал Линдси с более широкой улыбкой. – Ее также поражала его жизненная сила и энергия. Этого у него раз в десять больше, чем у бедного старого Гектора – у того ничего подоб-

ного никогда не будет. Пруденс Хэтч его любит, но Шоу пугает ее – по каким причинам, я так и не понял. Джозайя его терпеть не может – по тысячам причин, свойственных его природе. И природе Стивена тоже. Куинтон Паскоу, который продает прекрасные и романтические книги, пишет на них критические обзоры и вполне искренне их ценит и любит, считает Стивена безответственным бунтарем, противником общепринятых традиций, норм и верований, потому что тот поддерживает Джона Далгетти и разделяет его авангардистские взгляды на литературу или, по крайней мере, выступает в поддержку его права эти взгляды высказывать – вне зависимости от того, что эти взгляды кого-то оскорбляют.

– А они и впрямь кого-то оскорбляют? – спросил Питт, сам пытаясь с любопытством понять их и в расчете, что эта информация может оказаться важной. Несомненно, никакие литературные взгляды и разногласия не могут стать достаточным поводом и мотивировкой для убийства, не так ли? Пусть там имеют место скверный характер, взрывной темперамент, нелюбовь, презрение, но только безумец станет убивать из-за расхождений во вкусах.

– И очень сильно. – Линдси заметил скептицизм инспектора, и в его глазах появилось ироничное выражение. – Вам бы следовало получше понимать таких людей, как Паскоу и Далгетти. Идеалы, выражение собственных идей, искусство, творчество, человеческое общение – в этом вся их жизнь. – Он пожал плечами. – Но вы спрашиваете, у кого Стивен возбуждал чувство ненависти, хотя бы иногда, а не о том, я думаю, кто действительно поджег его дом с намерением его погубить, чтобы он сгорел в этом огне. Если бы я знал кого-то, способного, по моему мнению, на нечто подобное, то давно его вам назвал бы, еще до того, как вы явились ко мне с расспросами.

Томас кивнул и сделал соответствующую гримасу, соглашаясь с ним, и был уже готов продолжить расспросы на эту тему, когда вновь появился лакей и сообщил о приходе мистера Далгетти, который спрашивает, не может ли мистер Линдси его принять. Тот бросил на Питта взгляд, в котором блеснул веселый огонек, и согласно кивнул.

Минуту спустя в кабинет вошел Джон Далгетти, видимо уверенный, что Линдси один. Он тут же начал говорить, и его голос звенел от неподдельного энтузиазма. Это был смуглый человек среднего сложения с высоким, почти вертикальным лбом, красивыми глазами и шапкой волос, уже начавших немного редеть. Одет он был довольно небрежно – черный галстук, ранее завязанный в нечто вроде бабочки, распущен; сейчас он представлял собой просто узел. Пиджак слишком длинный и свободный, это производило общее впечатление неряшливости, но все же отдавало некоторым щегольством.

– Просто великолепно! – Он взмахнул руками. – Именно то, что необходимо Хайгейту – даже всему Лондону! Стряхнуть некоторые из этих надоевших старых идей, заставить людей думать. Именно это имеет значение, понимаете – свобода от жестких, суровых, ортодоксальных и закостеневших норм и правил, что перекрывают путь изобретательности и новым открытиям. – Он нахмурился, чуть наклонившись вперед, весь захваченный вдохновением. – Человек есть существо, полное сил и интеллектуальной мощи, если только освободить его от оков страха. А так он ужасается при виде чего-то нового, трясется при мысли совершить ошибку. Да что они значат, несколько ошибок? – Он высоко приподнял плечи. – Если в конце мы откроем что-то новое, установим какую-то новую истину... Труссы! – вот во что мы столь быстро превращаемся. В нацию интеллектуальных трусов – слишком робких, чтоб пуститься в авантюру, в непознанные глубины знания и мысли. – Он широко махнул одной рукой, задев одно из копий туземцев из племени ашанти, висевшее на стене. – Чем бы сегодня была наша империя, если бы все наши мореплаватели и исследователи неведомых земель слишком боялись нового, чтобы совершить кругосветное плавание или пуститься в неизведанные темные глубины Африки или Индии? – Он ткнул пальцем в пол. – Они остались бы сидеть здесь, в Англии, вот где! А мир, – тут он драматическим жестом взмахнул руками, – принадлежал бы французам, или испанцам, или бог знает кому еще. А что же

теперь? Теперь мы оставляем все путешествия в умственные сферы немцам или кому-то еще, потому что боимся сделать новые шаги в неизвестное. Вы виделись с Паскоу? Он буквально с пеной у рта прокликает вашу новую монографию о несправедливости и вредности нынешних законов о владении средствами производства. Конечно, это блестящая монография! Полная новых идей, новых концепций структуры общества и правильного распределения богатства. Я напишу на нее рецензию, такую обширную... Ох! – Тут он внезапно заметил Питта, и его лицо тут же отразило удивление, которое сразу же сменилось любопытством. – Прошу прощения, сэр, я не знал, что у мистера Линдси гости. Джон Далгетти. – Он чуть поклонился. – Торговец редкими книгами и литературный критик, а также, надеюсь, распространитель новых идей.

– Томас Питт, – ответил Питт. – Инспектор полиции и, надеюсь, открыватель правды или, по крайней мере, ощутимой ее части. Всего ведь мы, конечно, все равно никогда не узнаем, но иногда все же узнаем достаточно, чтобы помочь осуществлению правосудия.

– Боже мой! – Далгетти громко рассмеялся, но этот смех звучал достаточно нервно, хотя и с доброй долей юмора. – Полицейский с такими неожиданными оборотами речи! Вы смеетесь надо мной, сэр?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.